

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Матьяна
Лужанцева

Купание
в объятиях
Тарзана

подарок
для всех
читателей

Анна
Ольховская

Фея
Белой магии

Папарацци идет по следу

Анна Ольховская
Фея белой магии

«Соболева Анна Николаевна»

2009

Ольховская А.

Фея белой магии / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2009 — (Папарацци идет по следу)

ISBN 978-5-699-38393-1

Мегазвезда шоу-бизнеса Алексей Майоров и его жена Анна давно мечтали о домике у моря. И вот им предложили роскошную виллу с двумя бассейнами в Сан-Тропе! Есть где отдохнуть, помечтать и спрятаться от папарацци и фанатов. Только почему-то Анне снятся кошмары и она категорически против покупки. Впрочем, Майоров не поддается доводам женской интуиции. А зря! На вилле они становятся пленниками злого колдуна Вуду, который собирается сделать из двухлетней Ники свою преемницу. Хотеть не вредно! Ника наделена огромной магической энергией, и никакой магистр черных сил не одолеет эту необычную малышку...

ISBN 978-5-699-38393-1

© Ольховская А., 2009

© Соболева Анна Николаевна, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Ольховская

Фея белой магии

Пролог

Ритм барабанов ускорялся, сердце, хрипя и задыхаясь, торопилось успеть за этим ритмом. Быстрее, быстрее, быстрее! Шум в висках, сознание меркнет, казалось, его выталкивает кто-то чужой, кто-то смертельно опасный, чья равнодушно-холодная жестокость не оставляет ни единого шанса всему живому.

Нет, не смей, слюняй, тряпка, слабак! Держись, сопротивляйся, силы добра на твоей стороне. Призови свет!

Получилось. В голове вспыхнул яркий, переливающийся всеми цветами радуги свет. Барабан все еще бил, черный колдун, бокор, в трансе застыл над тушей черного козла. Остальные участники ритуала бешено кружились и завывали что-то бессвязное, но все это больше никак не влияло на Франсуа. Он, чтобы не отличаться от других, тоже выделял безумные па, но способность мыслить трезво и отстраненно вернулась. Не сказать, чтобы очень уж охотно, дама она капризная, как, впрочем, и большинство способностей. Хотя по сравнению с талантами способности – очаровательные бесконфликтные душки. А вот снобы-таланты...

Франсуа усмехнулся – опять его понесло куда-то! Это его бич и в то же время спасение. Бич – когда надежда и гордость курса Франсуа Дювалье вот так же мысленно сбегал со скучной для него лекции в Сорбонне. Спасение – сейчас, когда магический ритуал черного Вуду достиг своего апогея.

Каким неадекватным ветром занесло блестящего (в смысле знаний, разумеется, а не в смысле полированной лысины или любви к стразам) студента Сорбонны в тайное общество черного Вуду Бизанго? Пришлось вот. Да еще и имя, будь оно неладно, с энтузиазмом американского сержанта, бодро проорав: «Сэр, да, сэр!» – пнуло гордого носителя себя прямо в копчик.

И влетел Франсуа Дювалье, полный тезка не к ночи помянутого гаитянского диктатора, больше известного под именем Папа Док, в единственно возможную кандидатуру для выполнения опасного задания – внедрение в тайное общество Бизанго. Да так в ней, в кандидатуре, и остался.

А что прикажете делать беженцу с Гаити, чей дед был безумным (во всех смыслах слова) фанатом Папы Дока, что выражалось не только в присвоении внуку почетного имени Франсуа, но и в первую очередь в службе в подразделении тонтон-макутов, личной гвардии Папы Дока, отличавшейся особой жестокостью.

Разумеется, религия Вуду, единственно возможная на Гаити, была религией семьи однофамильцев диктатора, вот только отец Франсуа, Пьер, никак не желал принять черную сторону Вуду и категорически отказывался вступить в Бизанго.

И он сбежал, забрав всю свою семью. Франсуа покинул Гаити в трехлетнем возрасте. Поэтому не помнил ни деда, ни кошмаров, творимых тонтон-макутами. Он вырос в цивилизованной Франции, поступил в Сорбонну, собирался стать специалистом в области изучения религий.

И станет. Если выживет. Если хватит выдержки, самоконтроля и веры в добро. В светлую сторону Вуду.

Да, Франсуа Дювалье, выросший в цивилизованной Франции, остался приверженцем религии его предков. Да как иначе, если его отец, Пьер Дювалье, стал белым колдуном, унганом? И совершенно естественно, что сын пошел по стопам отца. Хотя... В случае самого Пьера

хождение по стопам тонтон-макута естественным никак не казалось. И Пьер ходить не стал, а побежал. В прямо противоположную сторону.

Около года назад малочисленное тайное общество Бизанго, состоявшее в основном из гаитян, обосновавшихся во Франции, стало набирать силу. Из какого колодца тьмы черпалась эта сила, поначалу никто не знал. Потому что никто не следил за деятельностью столь малочисленного общества. До поры до времени малочисленного.

Франсуа вспомнил тот вечер, когда они с отцом расположились у телевизора, собираясь посмотреть выпуск вечерних новостей.

И вот пошел сюжет о заброшенной ферме, на которой, как предполагали полиция и репортеры, устроили лежбище наркоманы. А как иначе назвать бледных до синевы типов, тупо слонявшихся по двору? Они не разговаривали сами и абсолютно не реагировали на чужую речь.

Франсуа не видел в этом ничего необычного. Пока не посмотрел на отца.

Посеревшее лицо, застывший взгляд, судорожно вцепившиеся в подлокотники руки – таким он отца не видел никогда.

– Что случилось? Ты чего так напрягся? Наркош никогда не видел?

– Это не наркоманы, – едва слышно произнес Пьер. – Этого в Европе просто не должно было быть.

– Да чего этого?

– Зомби.

Кто-то другой, возможно, и рассмеялся бы, но не Франсуа.

Пьер связался с остальными унганами, Франсуа провел поиск по Интернету, и картинка получилась страшенькая.

Влияние Бизанго выросло, причем катастрофически! И вовсе не за счет притока новых членов, хотя и их хватало. Черным сердцем тайного общества стал приехавший из Гвинеи сильнейший колдун. С таким унганы еще не сталкивались.

Колдун назвал себя Папа Калфу, по имени опаснейшего духа ночи, родоначальника тьмы. Он не боялся никого и ничего, но был достаточно умен, чтобы не привлекать к себе внимания светских властей. До поры до времени. А потом... Кеннеди вот тоже пытался осадить Дювалье, пока гаитянский диктатор не провел ритуал с восковой куклой. И ровно через шесть недель Кеннеди убили.

Конечно же, совпадение.

В цивилизованной и политкорректной Европе очень уважают чужие права, с должным пиететом относятся к чужим традициям и верованиям. Вот только почему-то совершенно не уважают собственные традиции и веру.

А уж принимать всерьез всю эту ерунду насчет зомби – курам на смех!

Куры и ухотались. До икоты.

Зато обладатели банковских счетов с кучей нулей справа очень быстро сообразили, насколько может быть полезен Папа Калфу. И заказы, один гаже другого, посыпались гнилым горохом. Бокор выполнял их, коготь набитого деньгами индюка увязал поначалу совсем чуть-чуть, потом сильнее, а потом... одним влиятельным членом Бизанго становилось больше.

И эта раковая опухоль разрасталась все сильнее, метастазы распространялись в другие страны. Но заметно это было только тем, кто хотел видеть.

Белые колдуны, унганы, не один раз собирались вместе, чтобы решить, как остановить Папу Калфу. И решали. И пытались осуществить задуманное.

Не получалось НИЧЕГО. Равного по силе не было.

Пока полгода назад Мама Жаклин, молодая мамбо, белая колдунья, не встретила случайно в Берлинском аэропорту человека, чей мощный потенциал намного превосходил всех виденных Мамой Жаклин раньше. В том числе и Папы Калфу. Вот только...

Это был ребенок. Крохотная девчушка.

И теперь загадочного ребенка искали все, в том числе и Папа Калфу. Причем он – в первую очередь. И вовсе не ради того, чтобы уничтожить, хотя это было первым порывом, когда он узнал о существовании девочки. После чего порыв был порван на мелкие кусочки и обильно полит едкой щелочью злости.

Зачем убивать? Ведь потенциал в ребенке пока без полюсов. Он и не положительный, и не отрицательный. Он – нейтральный. А вот каким станет, зависит от того, кто будет рядом. От наставника.

Оставалось только найти девочку. И Папа Калфу продвинулся в этом направлении гораздо дальше унганов. Тогда и решено было внедрить в ряды Бизанго своего человека – Франсуа Дювалье.

И у него все получилось, он даже добился права участвовать в заключительном ритуале поиска девочки. Благодаря предыдущим таинствам были отобраны носители информации, в которых могло быть упоминание о ней. Сейчас все эти книги, газеты, журналы были разложены в виде причудливого ритуального рисунка, веве.

Пребывавший в трансе Папа Калфу внезапно выгнулся, затрясся, словно в падучей, окунул правую руку в кровь козла и, закатив глаза, вlepил ладонь в обложку одного из журналов.

Сквозь кровавый отпечаток радостно смеялись мужчина и женщина, нежно обнимавшие маленькую девочку с удивительными глазами.

Часть I

Глава 1

– Ну Алексей, ну пожалуйста, ну что вам стоит!

– Тридцать шесть.

– В смысле?

– За время нашей с вами, гм, беседы, вы ровно тридцать шесть раз употребили такое емкое и насыщенное смыслом «ну».

– Че, серьезно? Ну вы даете! – Паша, один из самых желтушных (нет, печень тут совершенно ни при чем) журналистов Москвы, попытался оскорбиться. Получалось плохо, чувство собственного достоинства у этого представителя членистоногих давным-давно атрофировалось. – Я тут распинаясь, уговариваю, почти на коленях стою, а вы меня даже не слушаете, «ну» считаете! Я что, не человек, что ли?

– Тридцать восемь.

– Ну, знаете ли!

– Тридцать девять.

Парадокс – желтушный Паша сейчас смело мог претендовать на призовое место в номинации «Томат года». Спелый такой помидор получился, херсонский. Что, впрочем, вполне соответствовало действительности – эпитет, с максимальной точностью характеризующий профессиональную пригодность Паши, был однокоренным с названием города Херсон.

Хотя... высшее журналистское образование, интеллект, склонность к изящной словесности – вся эта ерундистика не имела никакого отношения к работе репортеров, неустанно копавшихся в кучах гламура и бурьяне бомонда. Там, в кучах и бурьяне, никто не обращал внимания на «ну», «че», «типа», там вполне комфортно себя чувствовали и нелитературные термины. Ведь прародительницей основной массы гламурного планктона являлась вовсе не Ева, а незабвенная Эллочка Щукина.

А вот киты светской тусовки, они же – звезды шоу– и не только, бизнеса, стабильно и прочно закрепившиеся на вершинах, с пашеподобными общались редко. Зачем? И так любое движение плавника мгновенно попадало на страницы светской хроники всех медиаизданий. До них, до китов, иногда допрыгивал самый-пресамый светский репортер с одного из крупнейших телевизионных каналов. Все, что удавалось записать, пусть даже скучное «нет», украшалось потом разнообразнейшими финтифлюшками домыслов, а чаще всего – откровенного вранья. Но печатное издание, в котором имел сомнительную честь служить Пашуня, отличалось особенной страстью к беспардонной, нелепой, а порой и оскорбительной лжи.

Папарацци истерично пытался взять себя в руки. Но истерика в таком трудном деле, как ловля успеха, удаче не способствует никак. Особенно если объект ловли настолько скользкий. Даже склизкий.

Репортер сопел и забавно переливался разными оттенками красного – от гниловато-бурого до ошпаренно-розового. Суперзвезда российского шоу-бизнеса, самый лакомый в данное время для большинства журналистов кусок, основной ньюсмейкер светской хроники Алексей Майоров, удобно устроившись в кресле, с любопытством наблюдал за буйством красок на физиономии своего визави.

Эх, мне бы его невозмутимость! Хорошо, что у меня есть журнал, которым можно прикрыться и нахихикаться вволю. И не важно, что журнал этот экономический, очень и очень серьезный (непонятно только, как он оказался в этом ресторанчике?), щедро заляпанный разными «фьючерсами», «индексами Доу-Джонса» и прочей заумью, главную в данный момент

функцию – маскировочную, печатное издание выполняет успешно. Главное, не хрюкать слишком громко.

И вот что интересно – ни капли сочувствия, никакой клановой солидарности. Я ведь в недавнем прошлом была журналисткой, могла бы проникнуться, поддержать.

А не надо быть таким тупым! И наглым!! И противным!!! И вообще свиньей.

Мы с Лешкой так редко выбираемся вдвоем куда-нибудь, нет, надо все испортить, влезть с незапланированным кретинским интервью! С Алексеем Майоровым, на минуточку, заранее договариваться надо, причем не с ним лично, а с его администратором Виктором, согласовывать место и время, четко придерживаться заранее оговоренных тем, а не ловить звезду ветхим сачком нездорового интереса, оказавшись случайно рядом.

Вот и получил. Обтекай теперь, свинтус, нам с мужем из-за тебя придется другое место искать, а здесь такая кухня!

Интересно все-таки устроена жизнь! Живешь себе тихо-мирно в одном из областных центров России, работаешь внештатным сотрудником нескольких изданий, в прошлом – неудачный брак, в настоящем – бесконечная череда однообразных дней, редкие девичники на пару с такой же одинокой закадычной подружкой Таней, она же – Таньский. В будущем, похоже, ничего экстраординарного не предвидится. В лучшем случае – более удачный брак. Скажете, скучно? И что с того? Зато никаких тебе потрясений, никому ты не нужна, все предсказуемо и банально. Сидели мы с Таньским, бывало, за бутылочкой сухого красного и ныли. О принцах уже и не мечтали, к тридцати годам мозг достигает нужного размера и оптимальной формы. Какие, к рогатой бабушке, принцы могли встретиться на пути провинциальной журналистки Анны Лощининой (это я) и не менее провинциальной бухгалтерши Татьяны Старостенко (это Таньский)? Полюбить, да еще взаимно...

Ох, знали бы мы!

Хотя, если честно, оно того стоило.

Мирное, вяло побулькивавшее редкими событиями существование в одночасье взорвалось фейерверком самых невероятных, порой смертельно опасных событий.¹

И теперь Таньский – любимая жена красавчика Хали Салима, наследника многомиллионного состояния, счастливая мама очаровательных двойняшек Дениса и Лейлы, а я...

Я тоже вышла замуж, причем дважды. И оба раза за Лешку. Алексея Майорова. У нас есть дочура, Ника, ей два с половиной года. И мы бесконечно счастливы.

Хотя еще полтора года назад я считала себя вдовой. Больше трех месяцев. То были, пожалуй, самые страшные месяцы моей жизни. Все предшествовавшие этому события, даже наш разрыв с Лешкой и последовавший за этим развод, не смогли уничтожить меня. Морально уничтожить. Сломать. Я изгибалась самым невероятным образом только для того, чтобы, молниеносно разогнувшись, с максимальной отдачей хлестнуть пытавшегося сломать.

Но вот, казалось бы, самое счастливое в жизни женщины время – ожидание ребенка и появление его на свет – для меня оказалось сплошной жутью. Именно тогда Алексей, поверив мерзкой клевете, авторами которой были его новая костюмерша Ирина Гайдамак и ее подельник Андрей Голубовский по кличке Гнус, бывший муж моей подруги Саша, отвернулся от меня. И я ушла. Жила какое-то время у Саша в Германии, там же родилась Ника. Но до ее рождения мне пришлось пережить немало страшного. А Майоров тем временем сошелся с Ириной. Подельники надеялись привязать более чем состоятельного Алексея к мадам Гайдамак покрепче. Их конечной целью были, разумеется, деньги. Все, что есть у Алексея Майорова, включая недвижимость в России и за рубежом. Было все – и подстроенная автокатастрофа, и ложное венчание Алексея и Ирины, и гибель Майорова в прямом эфире. Лимузин, в котором

¹ См. книги Анны Ольховской «Право бурной ночи» и др.

он ехал после венчания, взорвался и сгорел дотла. На глазах миллионов телезрителей, в числе которых была и я...

Вот с этим справиться оказалось невероятно трудно, врачи еле вытащили меня. Жить мне не хотелось, но у меня была дочь.

Ника. Наш ребенок-индиго. Наделенная необъяснимыми, фантастическими способностями, которые мы тщательно скрывали от посторонних, наша девочка спасла отца.

Да, Лешка не погиб в том взрыве, он успел выскочить за секунду до ада. Майорова отбросило взрывной волной довольно далеко от места происшествия, поэтому его не нашли. Да и не искали особо, ведь никто и подумать не мог, что могут быть выжившие.

Искалеченный и обгоревший, Алексей скорее всего умер бы в этом лесу. Если бы не Ника.

Я не знаю, как смогла кроха, которой на тот момент было всего девять месяцев от роду, «удержать» отца от ухода в небытие. А еще – мысленно отыскать старика-отшельника, жившего на лесном хуторе неподалеку. Дед Тихон слыл в местных краях знахарем, ведуном и обладал, видимо, некоторыми экстрасенсорными способностями. Ника «привела» старика к умиравшему отцу. А потом почти три месяца продолжала «держаться» Лешку, пока дед Тихон лечил его тело.

И накануне первого дня рождения дочери мы нашли нашего папу.

Теперь понятно, почему Алексей Майоров является сейчас самым главным ньюсмейкером? Он и раньше не был обделен вниманием прессы, а уж после своего воскрешения из мертвых!

К тому же почти год после возвращения Алексей не давал вообще никаких интервью и не появлялся на публике. Лешка проходил длительную реабилитацию, перенес несколько пластических операций, восстанавливал физическую форму.

С умственной же все было в порядке, язык короче не стал. В чем и убедился злосчастный Паша.

Что случилось с горькой парочкой Гнусов? «От каждого по способностям, каждому – по труду!» Так вроде бы звучит главный лозунг социализма?

Вот и получили Ириша с Андрюшей по труду. Соответственно проявленным способностям – ко лжи, предательству, жестокости, жадности и прочей липкой грязи.

Андрейка, правда, получил гораздо больше Ирочки, и не потому, что был гаже подруги. Просто он на момент ареста был в розыске, поскольку сбежал из колонии, где отбывал срок за предыдущие подвиги. Так что новый срок был уже двузначным.

Ирина, старательно валившая все на любовника, получила всего три года колонии общего режима. Немалую роль в назначении столь мягкого наказания сыграла беременность подсудимой. Нет, ребенок не от Лешки, хотя мадам Гайдамак очень этого хотела. Мальчик, родившийся через несколько месяцев после описанных событий, был сыном Андрея. И, соответственно, братом Сашиных детей, Славки и Вики.

Откуда я знаю, что родился мальчик? Да уж не лично обрывала телефон колонии, переживая за Иришу. Я ничего больше не хочу знать об этой особе. А вот дурища Сашка, моя «стальная бабочка», не может оставаться равнодушной. «Анетка, не злись, но ведь малыш – младший брат моих детей. От меня не убудет, если я буду помогать ребенку».

Конечно, не убудет, денег у Сашки более чем достаточно, она ведь оказалась потомком одного из богатейших людей Европы, Зигфрида фон Клотца, и теперь рулит бизнесом в Германии. Но как она не понимает, что жадная до денег Ирочка не оставит теперь в покое добрую Сашу!

Ладно, разберемся. Пусть пока сидит. Сергей Львович лично проследит, чтобы не было никаких условно-досрочных освобождений.

Кто такой Сергей Львович? Генерал ФСБ России, отец Артура Левандовского, Лешкиного друга, считающий нас с мужем и дочкой членами своей семьи. Деда Сережа, в общем. Который сейчас вместе с бабой Ирой (своей женой), Ингой (внучкой) и Маем (нашим псом) пытается уследить на даче за Никой, пока Никины папа с мамой обедают вместе.

Вернее, хотели пообедать. Ресторанчик выбрали тихий, где практически не бывают всегдашних светских тусовок, с великолепной кухней. И – на тебе! Паша! Сидит в нашем любимом отдельном кабинете и заискивающе улыбается. Улыбался.

Глава 2

Опять в глаза лезет бессмысленное для меня слово «фьючерс». И чего пристает? Я терпеть не могу, когда мне беспардонно лезут в глаза, будь то соринка, песчинка или каперс. Нет, фьючерс. Гм, а есть разница?

Паша, похоже, относился к разряду тормозов, причем в данном конкретном случае это был тормоз от «БелАЗа». И в полном соответствии с конструкцией данной системы особым интеллектом, не говоря уже о сообразительности, не отличался.

А как иначе можно объяснить нелепую попытку спасти положение, переключив внимание на меня?

– Анна, скажите, а раньше, до трагедии, Алексей умел нормально общаться? – О, да мальчонка решил гнилые зубки показать! – Или это последствие черепно-мозговой травмы и комы?

– Ай! – Я истерически взвизгнула и выронила журнал. – Что это?! Кто тут?! Господи, да оно разговаривает!

– Что вы себе позволяете! – Да, вегетативная система у парня ни к черту, опять полыхает.

– Леша, ты где ЭТО нашел? – Я брезгливо потыкала Пашу все тем же журналом. Бедняга не успел далеко улететь и за нерасторопность поплатился – его свернули в трубочку. – Как маленький, честное слово! Подбираешь на улице всякую пакость и с собой тащишь! Посмотри, оно же сейчас лопнет! Ты представляешь, сколько гадости разлетится? А вони сколько будет?

– Я подам на вас в суд! – зашипел папарацци. – За оскорбление личности! Готовьте денежки, господин Майоров!

– Да пожалуйста. – Господин Майоров засунул Паше в нагрудный карман пятьдесят рублей. – Вот, надеюсь, этого хватит. Можете ни в чем себе не отказывать. А теперь, будьте любезны, соблаговолите выйти вон.

– Ах так?! – Желтушник вскочил, но с координацией движений у него, видимо, была такая же беда, как и с нервами, поскольку сумка репортера, безмятежно лежавшая на столе, с размаху шлепнулась на пол.

От неожиданности, а может, от сотрясения, сумку вытошнило содержимым, которое неопрятными ключьями рассыпалось вокруг. Особенный трепет внушали грязные носки, свернутые в липкий комок.

Так, а это что доверчиво прижалось к моей ноге? Ах ты мой славный, вот умничка. Извини, но мир жесток.

Диктофон жалобно хрустнул под моим каблуком. А еще не хотела шпильки сегодня надевать! Что может быть убойнее для хрупкой техники? Только солдатские берцы, но они с моим легким платьем как-то не очень гармонируют.

– Вы... – О, живая иллюстрация выражения «в зобу дыханье сперло». – Вы что натворили?! Да я!...

Взбесившуюся крысу видели когда-нибудь? Противное, скажу вам, зрелище.

Ресторанные секьюрити, примчавшиеся сразу же после первого Пашиного ора, справились с визжавшей проблемой профессионально и четко. Причем не только выволокли бесновавшегося папарацци за дверь, но и заботливо сдали его прибывшему наряду милиции.

Прибежавший на шум директор ресторана долго извинялся перед нами за «досадное недоразумение».

– Алексей, ради бога, простите! Но он сказал, что вы сами назначили ему тут встречу!

– Значит, этот тип знал о нашем появлении в этом месте в это время? – голос Майорова заметно похолодел.

– Н-ну да. Он появился минут за десять до вашего появления, сказал метрдотелю, что у него встреча с Алексеем Майоровым, и его проводили в ваш кабинет.

– Очень жаль, Игорь Константинович, нам у вас нравилось.

– Что значит – нравилось? – разволновался директор. – Вы что, больше к нам не придете? А как же... Володя, наш шеф-повар, ваше любимое блюдо сегодня приготовил! Как же так!

– Раз этот тип знал, что мы сюда придем, – я отфутболила обломок диктофона прямо к сверкающим лаком туфлям директора, – значит, кто-то из ваших сотрудников информацию, грубо говоря, слил.

– Анна! Алексей! – очки Игоря Константиновича сверкнули бесконечным отчаянием. – Даю вам слово – подобное больше не повторится! Никогда! Вы же знаете, мы всегда стараемся обеспечить нашим клиентам максимальный комфорт, покой и уединение.

– Особенно сегодня, – буркнул Лешка, принимаясь.

Аромат мяса по-анжуйски завораживал и манил. А мы успели зверски проголодаться.

Директор заметил перемену в настроении и усилил атаку:

– Сегодня все за счет заведения! И не возражайте! Это компенсация за моральный ущерб!

Эх, слабые мы все же с Лешкой люди, рабы желудка.

– Да, хомка, – усмехнулся муж, доедая десерт, – злая ты все-таки женщина. Я бы даже рискнул сказать – жестокая. Ты зачем бедолагу так приложила?

– Мерзкий он, гнусный и липкий. И статьи у него – одна гаже другой. Он все равно нас измажет с головы до ног, вот я заранее душу и отвела. И вообще, он тебя дебилем назвал. Что это за намеки на черепно-мозговую травму?

– А я не дебил, я хороший мальчик! – Злыдень уцепил вилку и попытался вычерпать ею сок. – Я умею сам завязывать шнуры.

– Очень смешно. Только это, дружочек, плагиат. Тыришь чужие идеи самым бессовестным образом.

– Неправда ваша! В сериале «Клиника» уборщик с помощью вилки суп пытался есть, а я – сок.

Лешка продолжал возмущенно бухтеть, но я не слушала. Я просто смотрела на свою половинку и не могла поверить, что еще полтора года назад это был изуродованный страшными ожогами, полупарализованный, с трудом говоривший человек.

Лучшие пластические хирурги и специалисты-реабилитологи, замечательный дядечка логопед и профессиональный тренер, но главное – бешеное желание самого Лешки вернуться, стать прежним, сотворили чудо.

Передо мной сидел прежний Алексей Майоров – умный, ироничный, чертовски обаятельный, с великолепной пластикой и сильным послушным телом. Небольшой шрам на левой щеке совсем не уродует его, наоборот – добавляет мужского шарма. Смугловатая гладкая кожа, слегка вьющиеся каштановые волосы, сияющие зеленовато-карие глаза – господи, Лешка, это снова ты!

Главное, не захлебнуться в пузырящемся, искристом, переполнявшем меня счастье. Хотя ты дорог мне любой. А того, обожженного, я любила просто безумно, потому что таким ты вернулся из небытия. Но собственная немощь изматывала тебя, ты так неистово хотел взять на руки дочь, обнять меня...

Так, пора выныривать из эйфории в действительность, а то можно остаться здесь навсегда, пуская радостные слюни.

Стоп, это что, я сказала? Нарушила хрустальную торжественность мгновения столь грубым сравнением? Ага, как же!

Лешка заботливо вытирал мне рот салфеткой и, скорчив умильную гримасу, сюсюкал:

– А кто это у нас так задумался? А у кого слюнка от напряжения потекла? Трудное дело – думать, да, деточка?

Хорошо, что мы все-таки в отдельном кабинете, иначе остальные посетители ресторана были бы слегка шокированы, увидев кумира миллионов Алексея Майорова с щедро заляпанной кремом от пирожного физиономией.

– Взрослая, казалось бы, женщина, – удрученно ворчал Лешка, вытираясь, – мать уже, жена какая-никакая... ай! Все, больше никаких босоножек на шпильке, только сандалики! Решено, я соглашусь!

– И на что, интересно? – Я с удовольствием наблюдала за процессом очистки. Енот-полоскун скончался бы от чувства собственной неполноценности.

– Меня давно уже зовут в жюри конкурса красотуль посидеть. Что-то там из жизни моделей. Я, как любящий муж и безупречный отец, отказывался, блюл себя...

– Прости, что делал?

– Блюл, темень дремучая, – Лешка укоризненно покачал головой. – Да, все-таки три класса церковно-приходской школы сказываются. Блюл себя – значит хранил тебе верность.

– Ну вот почему такое замечательное поведение ты умудрился испоганить блюющим термином? Из вредности? Или из-за атрофированного чувства прекрасного?

– Из-за него. – Свинтус удрученно вздохнул, подпер рукой подбородок и грустно продолжил: – Будь оно, это гадское чувство прекрасного, развито, как у всех нормальных людей, разве я на тебе женился бы? Да еще два раза? Прекрати пинаться, у меня уже все ноги в синяках! Хорошо, что я юбку не ношу.

– Это легко исправить.

– Все, уйду к моделям. Буду судьей строгим, но справедливым, решение приму только после личного собеседования с конкурсантками.

– А я разве против? Только вот что. – Я поднялась из-за стола и направилась к выходу из кабинета. – У меня с чувством прекрасного все в порядке, поэтому предлагаю свою помощь в украшении стола жюри. Возле тебя должен стоять цветок, символизирующий квинтэссенцию работы моделей.

– Формой? – ухмыльнулся Майоров, направляясь следом.

– Фи, Алексис, вы вульгарны! Нет, это прелестное декоративное растение, с формой у него все в порядке. Квинтэссенцией работы моделей являются два слова, объединенные в названии этого цветка с помощью союза «и».

Всю дорогу до ближайшего цветочного магазина Лешка пытался вывести название цветка. Ведь знает же, что дело бесперспективное, заранее обреченное на неудачу, и все равно канючит.

Припарковав джип у входа в цветочный оазис, Майоров нетерпеливо рванул дверцу. Она, как и любая особа женского пола, грубого обращения терпеть не намеревалась, возмущенно выгнула и заблокировалась.

Пока Лешка, шипевший что-то нехорошее в адрес дверцы, фирмы и страны – производителя автомобиля, возился с упрямыцей, я успела нацепить на него нехитрую маскировку: очки в роговой оправе и бейсболку. Простенько, но достаточно эффективно.

Правда, и мне теперь приходилось менять внешность, поскольку за последние полгода мои фотографии в прессе мелькали наравне с Лешкиными. И Никиными.

В общем, в цветочный магазин вошли два очкарика, один в бейсболке, другая – в косынке, походили вдоль зеленых рядов и остановились возле небольшого пышного цветка. После чего мужчина проворчал:

– Вот же вредина.

Продавщицы переглянулись и пожали плечами. Кто вредина? Пахиподиум? Так он же цветок, вредничать не умеет.

Глава 3

Возвращаться в пустую квартиру почему-то не хотелось, хотя Левандовские отпустили нас «на сколько хотите». И вообще, баба Ира и баба Катя (наша с Лешкой домоправительница) были абсолютно убеждены в нашей родительской несостоятельности, а порой и вредоносности.

Разве можно так баловать ребенка? Да где это видано, чтобы с эдакой крохой советовались? Что она может понимать? Ой, только не начинайте опять нести чушь про какого-то там ребенка-индиго! Девочка как девочка, конечно, более смышленная и живая по сравнению со сверстниками, бегаёт вон как хорошо, говорит четко и внятно, но и все. Сейчас дети вообще развиваются быстрее, чем их сверстники лет двадцать назад.

Трудно, конечно, иметь столько хлопотух на одну малышку, ведь там еще и тетя Алина (невестка Левандовских), но, скажу честно, в то же время до слез трогательно. Ведь у нас с Лешкой никого из родных не осталось, поэтому настоящих бабушек и дедушек у Ники нет. Но у нас есть Левандовские, Катерина, Сашка и Таньский с семьями – вон сколько родни!

А если вспомнить про армию Лешкиных фанатов, которых после всех событий, а особенно после воскрешения Майорова стало еще больше! Семейка получится та еще. Ведь голливудские страсти, кипевшие в это время – кто же настоящая жена Майорова, чей ребенок его, – примирили поклонников с появлением семьи в жизни их кумира. Нам больше не надо скрывать свои отношения... Хотя что это я – надо, но по другой причине. Назойливый интерес ко всему, что происходит у нас, напрягает, и даже очень.

Что и ощутил на себе в полной мере желтушный Паша.

Мы полностью сменили все адреса, известные журналистам и фанатам. И не только ради возможности уединиться, но еще и потому, что прежняя недвижимость, а особенно квартира в Москве, была активно засижена большой навозной мухой Ириной. Она отметилась, правда, лишь инспекционными наездами (инвентаризировала грядущее наследство, наверное) и в нашем загородном доме, и на вилле в Испании.

Квартиру мы продали в первую очередь, как только Лешка смог нормально разговаривать и двигаться. И уже в марте праздновали новоселье в уютном доме клубного типа, расположенном в тщательно охраняемом жилом комплексе. Квартиру купили с отделкой, у нас не было ни времени, ни, откровенно говоря, желания заморачиваться строительными работами. Хотя почему у нас – у меня, ведь моя половинка почти не вылезал из больниц и реабилитационных центров. Поэтому собственно беготней с недвижимостью занималась я, Майоров приезжал только на подписание договоров.

С загородным же домом вышла некоторая заминка. Нет, никакие минки вокруг дома не находили, саперов вызывать не пришлось, желающих купить наш прежний дом оказалось больше чем достаточно, та же ситуация сложилась с виллой в Испании. Мы просто не знали, что купить в первую очередь: дачу в Подмосковье или на побережье Средиземноморья?

Я, если честно, хотела что-нибудь поближе, чтобы можно было в любой момент сесть в машину и приехать. Захотелось – в Москву, расхотелось – за город.

Но наш новый агент по недвижимости, Виктор Николаевич, активно педалировал тему Средиземноморского побережья, причем педаль располагалась во Франции, в тихом местечке неподалеку от известного по фильмам с Луи де Фюнесом Сан-Тропе.

Да, не спорю, вилла, судя по видеоролику, прокрученному Виктором Николаевичем уже раз двадцать, была великолепна. Огромный участок с собственным пляжем, территория окружена высоченным кованым забором, сверху украшенным довольно острыми пиками. Забор почти полностью скрывался под вьющейся зеленью. Ухоженный трехэтажный шалашик площадью четыреста квадратных метров, два бассейна – взрослый и детский, великолепный сад – просто ожившая мечта! Эдем!

Майоров моментально загорелся, заискрился, запылал. Он уже видел загорелую Нику, плюхающуюся в бассейне, носившегося за мячиком Мая, нас в шезлонгах, солнечный ливень над морем. А я...

Не знаю почему, но вилла мне категорически не нравилась. От этой безмятежности веяло запредельным злом. Вместо голубой прозрачной воды в бассейне колыхалась вязкая муть. В самом доме, за чисто вымытыми окнами маячил черный силуэт. Нет, не человек в черном – черный человек.

Да, знаю, звучит глупо. Детская страшилка какая-то: в черном-пречерном городе, в черном-пречерном доме стоит черный-пречерный гроб. В том гробу лежит черный-пречерный человек, он неожиданно открывает глаза, хватая тебя за горло и говорит: «Отдай твоё сердце!»

После этих слов, выкрикиваемых рассказчиком резко и громко, в девчоночьей палате нашего пионерского лагеря обычно начинался визг, кое-кто лез под кровать.

Тогда лично я под кровать не лезла, потому что была рассказчиком, а вот сейчас хотелось. Залезть, прикинуться старой забытой тапкой и никому не объяснять, чем же так плоха вилла.

Черный человек? Муть? Запредельное зло?

Бред. Лечиться мне надо было интенсивнее, а я наплевательски отнеслась к этой идее, пару раз ходила к врачу – и на этом все.

А надо было, видимо, в санаторий вместе с Лешкой съездить. В Швейцарию. Нет, я туда поехала, но, пока муж проходил очередной курс реабилитации, мы с Никой замечательно провели время в доме Салимов, с Таньским и ее ребятней. Дети очень подружились, разница в два года им совершенно не мешала. Наоборот, Ника верховодила в их компашке. Хали дома бывал редко – гостиничный бизнес отнимал много времени и сил, и мы с Таньским впервые за последние несколько лет наговорились всласть.

А надо было лечиться, а не триндеть. Сейчас бы ерундой не маялась.

Жаль, очень жаль, что наш прежний агент по недвижимости, обаятельный лысый колобок Изяслав Геннадьевич (что вы, Аннушка, у меня прекрасное имя, когда надо – Изя, когда надо – Слава), внезапно уволился и уехал из Москвы. Причем нам не сказал ни слова, просто исчез – и все. А ведь накануне он показал мне чудесный дом в Подмосковье, мы собирались съездить туда уже с Лешкой. И – здарсьте, приехали! Вернее, уехали.

В агентстве ничего вразумительного сказать не могли, они, похоже, и сами пребывали в некотором шоке, поскольку Изяслав Геннадьевич вел не только нас, но и еще несколько VIP-клиентов, причем вел весьма успешно, и поводов для увольнения у него не было.

В общем, с нами теперь работал приторно вежливый, всегда безупречно одетый и причесанный (прилизанный!) Виктор Николаевич. Мне лично он казался манекеном, хотелось потыкать его булавкой, но я, пусть и с трудом, пока сдерживалась. Но если он не отвяжется с этой дурацкой villой – ткну. И не один раз.

Так и не заехав в пустую квартиру, где не было даже Катерины, решившей навестить родню на Украине, мы отправились к Левандовским.

Сергей Львович и Ирина Ильинична с удовольствием забрали наше семейство к себе на дачу, пока мы решали вопрос с собственной. Домина у них большой, благоустроенный, места хватало всем: и старшему поколению, и среднему – Артуру с Алиной, не говоря уж о самой младшей – внучке Инге. И на нашу семью пара комнат нашлась.

Май, наш пес, особенно радовался просторному, густо заросшему деревьями и кустами участку. Ирландскому волкодаву тесновато было в городе. Квартира, какой бы большой она ни была, никогда не сравнится с простором сада. Да и потом, разве в квартире метку оставишь безнаказанно?

Июнь выдался в Москве дождливым и прохладным, что явилось для Майорова дополнительным аргументом в пользу виллы на Лазурном Берегу.

– Нет, только не это! – заныл он, включая дворники на лобовом стекле. – Опять дождь!

– Он же теплый, летний. – Выдавать желаемое за действительное – занятие неблагодарное, поскольку желаемое опирается изо всех сил и противно верещит. А кому охота замуж по чужой воле? – Грибы скоро пойдут.

– Куда пойдут?

– Кто – в сковородку, кто – в банку с маринадом.

– Знаешь, зайцерыб, с такой погодой единственный вид грибов, который будет в изобилии, – плесневый. – Муж с отвращением посмотрел на затянутое застиранной грязно-серой тряпкой небо. – Все, хватит, надоело! Завтра же звоню Виктору Николаевичу, пусть готовит все бумаги, я покупаю виллу. Солнца хочу, моря, жары, в конце концов! Не хочу осенью ехать в гастрольный тур бледным и немощным, меня девочки любить не будут!

– Даже если ты поедешь загорелым мачо, они тебя все равно любить не будут. Вернее, ты их, – ласково промурлыкала я.

– Это с какой стати, интересно?

– Так нечем будет.

– Вот так даже, да? Исключительно из жадности готова сама лишиться радости, лишь бы не делиться ею с остальными. – Лешка тяжело вздохнул и покачал головой. – И мать ты никакая, у ребенка скоро перепонки между пальчиками от сырости вырастут, а ты продолжаешь тупо упираться.

– Почему это тупо? – решила обидеться я. – Блистая интеллектом. Это ты помешался на одной-единственной предложенной тебе вилле и не хочешь рассмотреть другие варианты. Да и вообще – зачем торопиться с покупкой? Давай поедем куда-нибудь в теплые края всей семьей, в какой-нибудь тихий отель, где нет наших соотечественников, Левандовских позовем, отдохнем всласть, а по осени, не спеша, займемся выбором недвижимости. Может, что подешевле и получше найдется.

– С ума сойти, – фыркнул злыдень и щелкнул меня легонько по носу, – хомка начала проявлять свойственную всем хомьякам жадность. Скоро начнешь защечные мешки отращивать, чтобы деньгами, нет – золотом и бриллиантами их набивать. А если серьезно – я не могу понять твоей явной предвзятости в отношении этой виллы. Честно говоря, это выглядит обычным бабским капризом.

– Все, допрыгался, подаю на развод. – Я сложила руки на груди и сурово нахмурилась.

– Это с какого перепугу? – Ну вот, он еще и хохочет, а должен трепетать от страха.

– Во-первых, ты поднял на меня руку, а именно – ударил в нос, во-вторых, перешел к прямым оскорблениям, бабой назвал, вот.

– Зайцерыб, не уводи разговор в сторону. Давай закончим с виллой.

– Давай! – оживилась я.

– Не в том смысле. Если ты сможешь внятно объяснить, что именно тебя там не устраивает, я все отменю. Не сможешь – завтра даю отмашку риелтору.

– Да не знаю я, не знаю! – Упс, а голос с чего вдруг задрожал? Определенно лечиться надо. – Не нравится, и все! Я чувствую – это очень плохое место.

– Да нормальное. – Лешка улыбнулся и вытащил из бардачка какие-то бумаги. – Вот, Винс по своим каналам собрал информацию об этой вилле. Построена она совсем недавно, там целый жилой комплекс из нескольких вилл, место чистое, тихое, можно сказать, патриархальное. Виллы уже почти все раскуплены, причем солидными семейными людьми, никаких тебе мафиози и наркопритонов. И кладбища там под домами нет, и ничего, чем пугают в подобных случаях разные ужасики. Там даже никого не убили, представляешь? До зевоты скучное место. Теперь ты успокоишься?

– А может, покажем видео Нике?

– Анна!

Ну вот, рассердился.

Глава 4

Лешка во всем, что касалось дочери, является стопроцентным, образцово-показательным маниакальным папашкой. Позднее долгожданное отцовство, радостное ожидание, страшный период, когда Майоров поверил клевете и считал, что ребенок не его, затем – автокатастрофа, кома и полурастительное существование, из которого его буквально вырвала Ника, – все это вылилось в такой океан бесконечной нежности и самоотдачи, который посторонним невозможно и представить.

С момента появления нашей малышки на свет между нею и отцом установилась необъяснимая ментальная связь. Поначалу это было неосознанное ощущение душевного тепла, а потом...

Лешка не мог ничего толком объяснить, да и, если честно, я не стремилась его расспрашивать. То, что пришлось пережить моей половинке, настолько глубоко ранило его душу, что лезть в нее грязными сапогами праздного любопытства, сбрасывая при этом на пол хрупкие воспоминания, могли только папарацци. Вернее, не могли, а пытались.

Хотя мне отчасти была понятна связь отца и дочери, поскольку я ощутила нечто подобное гораздо раньше – с начала существования Ники. Тогда это казалось мне абсолютно естественным, я считала, что так происходит со всеми будущими мамами.

Но то, что сделала кроха, которой на тот момент не исполнилось еще и года, для своего отца... Это настолько трудно поддается объяснению, что лучше и не пытаться. Просто принять как свершившийся факт и не выставлять его, факт, на всеобщее жадное обозрение. К нам и так цепями беспардонного любопытства приковано слишком много внимания, а узнай хоть кто-то из чужих, что у Майорова родился ребенок-индиго! Лучше не думать о последствиях.

К тому же сейчас Ника не проявляет каких бы то ни было сверхспособностей, она, конечно, намного опережает сверстников по физическому и умственному развитию, но и только. Может, потому, что мы теперь вместе и у нас все хорошо, а может, из-за чудовищного напряжения, пережитого малышкой тогда, – не знаю, но с момента возвращения отца ничего необычного в Нике не наблюдалось.

Если не считать нашей внутрисемейной связи. Дочка прекрасно чувствует наше настроение и состояние, а мы с Лешкой всегда ощущаем ее, где бы ни находились. И, словно сговорившись, стараемся не провоцировать ребенка на проявление сверхспособностей.

Поэтому Майоров и психанул сейчас. И поделом мне, тоже, нашла индикатор аномалий! Со своим психозом, голубушка, разбирайся сама, нечего ребенка втягивать.

– Ле-е-еш!

Молчит.

– Ну Леша!

Молчит.

– Прекрати дуться, на жабу из «Шрека» похож. Вот подпрыгнет джип на кочке, ты тоже подпрыгнешь, дырочка и откроется. Начнешь по салону метаться, как воздушный шарик, – в аварию попадем.

– У меня амортизатор хороший, – пробурчал злюка, – так что за дырочку не беспокойся. Вот и хорошо, терпеть не могу ссориться.

– Как же мне не беспокоиться, ты ведь собрался новую программу записывать, на мои, между прочим, стихи! Я тут сижу, песни ему сочиняю не покладая рук, Музу пришлось в клетку посадить и семечками кормить, а этот тип совершенно наплевательски относится к сохранности инструмента!

– То есть предполагается, – вкрадчиво начал Майоров, сбрасывая скорость, – что для пения мне жизненно необходимы все отверстия на теле?

– А как же! – Я опасливо вжалась в угол сиденья. – Акустика там всякая, наполненность звука, выхлоп опять же...

Продолжить мне не дали. Причем самым действенным способом – попробуйте разговаривать во время поцелуя! Да и не хочется. Разговаривать.

В общем, наш джип простоял на обочине довольно долго. Хорошо все-таки иметь тонированные стекла.

Так всегда теперь у нас заканчиваются любые размолвки. И не размолвки тоже. Второе рождение и обретение себя, возможность вести полноценную жизнь господин Майоров использует с максимальной отдачей.

А я что, против?

К даче Левандовских мы подъехали около шести вечера. Дождь к этому времени прекратился, но по внешнему виду встречавшего нас Мая этого сказать было нельзя. Шерсть гиганта слиплась в мокрые космы, радостно мельтешивший хвост посылал приветственные водяные залпы, но главный сюрприз псяк готовил на потом, когда хозяева выйдут из вонючей железной коробки. Что может быть лучше фонтана дождевых брызг с отряхивающейся собаки? Если только отпечатки грязных лап на плечах, но за этим дело не станет. А вот на плечи Май обязательно встанет. В нос лизнуть ведь надо? Надо.

Но хозяева выходить из коробки почему-то не спешили, вместо этого коробка гнусно завывала, причем не один раз.

Звук автомобильного сигнала вынес на крыльцо маленькую фигурку. Фигурка рванулась к закрытым воротам, но была самым бесцеремонным образом перехвачена бабой Ирой и обута в резиновые сапожки.

Так что сомнительное, на мой взгляд, удовольствие открытия мокрых и тяжелых ворот досталось Инге.

Лешка медленно въехал во двор, но освоить успел буквально пару метров территории, после чего джип прочно встал. Потому что с крыльца прямо к капоту черной машины скатился резвый мячик по имени Ника.

– Мапа! Уррра! А баба Ира говорила, что вы не приедете! А я соскучилась! Ну мапа! Вы чего там сидите? Прилипли, да?

Мапа, если кто не понял, – мы с Лешкой. Мама и папа. Когда мы рядом – мапа. Когда врозь – мамс и папс, возможны варианты.

– Никусь, – жалобно проныл Лешка, опуская стекло, – отправь Мая за чем-нибудь нужным, тапкой, к примеру, или газетой, мы быстренько и выйдем.

– Неа! – радостно запрыгала дочка. – Май тоже соскучился, он не уйдет!

– Мамкина копия, – обреченно вздохнул Майоров, выбираясь из джипа, – ни капли сочувствия, ради гадости ближнему на все готова.

– Вот насчет копий кое-кто лучше бы помолчал. – Я с надеждой посмотрела на гарцующего от переполнявших эмоций пса – может, одним Лешкой обойдется? Ага, жди. Вернее, ждет. – И не наступал на больную мозоль. Ведь ничего моего в ребенке, вылитый Леша Майоров!

– Мамсик! – вылитый Леша Майоров подпрыгнул от нетерпения. – Выходи быстрее!

Главное в нашей жизни что? Принимать удары судьбы с гордо поднятой головой. Даже если тело рефлекторно съеживается под фонтаном брызг.

Вот семейка подобралась, а? Даже пес вредности нахватался.

Впрочем, мы готовы были подвергнуться еще триста тридцати восьми атакам мокрого пса, только бы смотреть, смотреть, смотреть на визжащую от восторга, радостно хохочущую кудрявую малышку. Нашу дочь.

Разумеется, вконец обнаглевший пес, подстрекаемый двумя юными особами – Никой и Ингой, достойно завершил начатое. Я, кажется, упоминала о грязных отпечатках лап на плечах? Тогда не буду повторяться.

Пес самозабвенно вылизывал мое лицо, когда на выручку подросла Ирина Ильинична с полотенцем наперевес. Девчонки, радостно хихикая, не стали дожидаться своей порции шлепков и удрали в дом. Хотя одну из этой парочки вполне можно было назвать не девочкой, а девушкой.

Тринадцатилетняя Инга, категорически отказавшаяся отзываться на детское прозвище Кузнечик, очень повзрослела за последний год. Мальчики, во всяком случае, телефон обрывали. Но взросление было пока только физическое. Поведение же оставалось прежним.

И это было здорово – чистая, нежная, добрая, преданно любящая девчушка стала Нике старшей сестрой. Они очень скучали друг по дружке, когда приходилось расставаться, дай им волю – обе жили бы вместе, в одном доме, всегда.

А какой рев стоял, когда мы, обитавшие до этого у Левандовских, купили свою квартиру! Слез девчата наплакали пару ведер, не меньше. Знала бы – заставила реветь в тару, литров пять огурчиков закатала.

Вот только не катаю я ни огурчики, ни помидорчики, фиговая из меня катала. Про карты я вообще молчу.

Да и зачем мне заморачиваться консервированием, когда Ирина Ильинична и Катерина давно вступили в негласное соревнование – чей рецепт лучше – и мы теперь буквально завалены вкуснейшими заготовками?

А как трудно оставаться а прежнем размере одежды, имея рядом столь вдохновенных кулинарок! Давиться капустным листом и отрубями, глядя на обильно заставленный вкусо-стями стол, – это, на мой взгляд, полнейшее извращение. Нет уж, лучше я лишний час в бассейне проведу.

Когда мы, приняв душ и переодевшись, спустились в столовую, стало ясно – одним часом в бассейне не обойтись. Придется заглянуть и в тренажерный зал.

Но это завтра. А сегодня... словно мы и не обедали сегодня в ресторане, ей-богу! Накинулись на еду, как новобранцы после солдатской каши.

Исключительно из уважения к хозяйке, между прочим. Вот.

За столом, что бывало не так уж часто, собрались сегодня все: и Левандовские-старшие, и средние, про Ингу я уже упоминала. А также два поколения Майоровых-Лощининых.

Лешка очень хотел, чтобы только Майоровых, но... Я – последняя в нашей семье, братьев и сестер у меня нет. И папа перед смертью очень переживал, что на нем род Лощининых заканчивается. «Ты, дочка, выйдешь замуж, возьмешь фамилию мужа, и нет больше Лощининых!»

Есть. Есть я, теперь есть и Ника. Она, между прочим, сразу после рождения была зарегистрирована как Ника Алексеевна Лощинина. Сейчас она, конечно, Ника Алексеевна Майорова. А когда вырастет – сама решит, оставить одну фамилию или сделать двойную.

В данный момент Ника Алексеевна Майорова, восседавшая в силу небольшого размера в специальном высоком стульчике, кормила, несмотря на строжайший запрет, Мая. Пес прекрасно знал, где за столом находится самое слабое звено, и заранее занимал наиболее выгодную позицию.

И в бездонную пасть отправлялось немало вкусного, причем Ника отлично знала, как отнесется Ирина Ильинична к скармливанию ее разносолов собаке, поэтому котлетки, рулетики, пирожки и прочие вкусности исчезали со стола тогда, когда автор вкусностей не видел этого святотатства.

Глава 5

– Знаешь, Иринушка, – Сергей Львович откинулся на спинку стула и, страдальчески вздохнув, оглядел не сильно оскудевший стол, – у меня создается стойкое ощущение, что ты завербована вражеской разведкой с целью выведения из строя особо ценного кадра ФСБ.

– А как бабуля тебя выводит из строя, – хихикнула Инга, – за ручку?

– За пузо, – мрачно пояснил особо ценный кадр, обозначив довольно внушительный центр приложения усилий. – Мне скоро китель перешивать придется!

– А ты не жадничай, не ешь за батальон солдат. – Ирина Ильинична усмехнулась и погладила мужа по густой седой шевелюре. – Я же не только для тебя стараюсь.

– А для кого еще?! Вот, дожил, – пригорюнился генерал, – жена куски считает. Пора в монастырь.

– Неужели дождалась? – Вышеупомянутая жена радостно всплеснула руками.

– Могла бы не так явно радоваться! – Сергей Львович старательно изображал возмущение, но хихикающие лучики в уголках глаз сводили все усилия на нет.

– Да как же не радоваться-то! Ведь перед походом в монастырь ты, Сереженька, сначала должен уйти в отставку...

– А по пути из отставки в монастырь тебя перехватит мама и спрячет на даче. – Артур сочувственно вздохнул. – Вот тогда ты и поймешь, что сегодняшний стол – это так, разминочка. Артподготовка перед основным боем.

– Вижу, разбаловала я вас. Все, с завтрашнего дня для вас, свинтусы Левандовские, будет только овсянка на завтрак, хлебные котлеты с перловой кашей на обед и омлет на ужин. А я буду стараться для тех, кто меня ценит, – для Майоровых.

– Да, Ирина Ильинична, это ужасно, – зачастил глава семьи Майоровых. – Вы стараетесь, душу вкладываете, создаете великолепнейшие шедевры кулинарного искусства, а эта заевшаяся команда еще и ноет! На овсянку их, на перловку!

– Я, конечно, музыкант, мне руки надо беречь, – задумчиво протянул Артур, разглядывая свои длинные тонкие пальцы, – но унять зарвавшегося наглеца всегда смогу. Причем сделаю это самым унижительным и болезненным для наглеца способом.

– Видишь, Аннушка, – наглец на всякий случай пересел подальше от свирепого музыканта, – меня просто вынуждают купить эту виллу, чтобы можно было удрать куда подальше от разнузданного типа, умело маскирующегося под личиной интеллигентного и одухотворенного музыканта. Ты представляешь, ЧТО он может сделать с помощью своего виолончельного смычка и больной фантазии? Так что завтра еду заключать договор. Ты поедешь со мной?

– И я, и я поеду! – завертелась в своем стульчике Ника.

– Нет!

– Да!

Думаю, не стоит уточнять авторство ответов?

– Подожди, Леша, – озадачился Сергей Львович, не посвященный в детали нашего поиска дачи, – что еще за вилла? Где? Почему не знаю?

– Теперь знаете, – пожал плечами Майоров. – Мы покупаем виллу на Лазурном Берегу Франции, недалеко от Сан-Тропе.

– Ух ты, здорово! – Инга выскочила из-за стола, подхватила на руки Нику и закружилась с ней вокруг стола. – Мы едем на море! Во Францию!

– Инга! – Алина попыталась призвать дочь к порядку. Слово не знает, что призывник из девочки никакой. – Что значит – мы? Тебя кто-то приглашал?

– То и значит – мы, – улыбнулся Лешка, с удовольствием наблюдая за хохочущей Никой. – Думаю, через пару недель можно будет ехать, так что пакуйте чемоданы все. Кроме – вот мсти-

тельный свин! – злобного и неадекватного музыканта. Он вначале должен пройти курс прививок от бешенства.

– Леша, что за спешка?

– Сергей Львович, я вас обожаю!

– Вы же планировали вначале купить дом в Подмосковье?

– Перепланировали, надоели дожди. К морю хочется, правда, девчонки?

– Правда!

Спелись, хором отвечают. Конечно, им тоже надоели дожди. Хотя почему тоже, им – в первую очередь. В Москве хоть есть куда податься в плохую погоду, в тот же аквапарк, к примеру. А здесь выбор невелик – киснуть от скуки в доме или мокнуть во дворе.

И все же, все же... Ну зачем в таком серьезном деле, как покупка весьма дорогостоящей недвижимости, да еще и за рубежом, пороть горячку? Это в принципе неблагоприятное занятие, поскольку благодарят за порку только любители садо-мазо. Впрочем, кто знает, какие сексуальные фантазии у горячки?

Так, Остапа опять понесло. Точно, лечиться надо. Или как минимум хорошенечко отдохнуть. Ладно, не буду больше упираться, поедem в Сан-Тропе.

Судя по оживленному гомону, за столом пришли к тому же мнению. И теперь мы столпились возле мнения и обсуждали конкретику, конкретика смущенно краснела и глупо хихикала.

Разумеется, взять с собой Нику на подписание договора не получилось. Майоров нашел мощнейшую поддержку в лице (и не только) бабы Иры. Да и сама Ника с утра ехать передумала. Поскольку выглянуло солнышко, пощекотало дочкины щечки, загло капли вчерашнего дождя на траве и кустах, и лезть в душный джип ребенку расхотелось.

Лешка и мне предлагал остаться на даче, но тут уж я уперлась. Ногами в пол джипа, руками в потолок – фиг выдернешь. Правда, никто и не пытался.

Виктор Николаевич уже ждал нас в главном офисе агентства. Компанию ему составляли еще несколько таких же прилизанно-зализанных типов, вероятно, жизненно необходимых при заключении подобных сделок с недвижимостью. В целом они смотрелись вполне гармонично – склад пластмассовых манекенов, но находиться в их компании мне почему-то резко расхотелось.

Да и зачем я там нужна? От меня теперь не зависело ничего, решение принято, маховик запущен. Ощущать же себя предметом мебелировки – не для меня, сразу начну играть в ассоциации, и дело закончится глобальной депрессией, поскольку на изящную этажерку я по-прежнему не похожа.

– Ладно, Лешка, ты иди, покупай свою виллу, а я лучше куплю что-нибудь попроще вон в том супермаркете.

– Почему это мою? – немедленно полез в бутылку Майоров. И что они, мужчины, в этой бутылке находят? Вылезать же неудобно. – Нашу! Ты же хотела присутствовать всенепременнейше!

– Боже, как вы изысканно изволите выражаться, сударь! – Я чмокнула сударя в щеку, щека отреагировала правильно. – Я просто боюсь затеряться среди столь важных господ. А вдруг меня примут за барную стойку и начнут готовить на мне кофе? Или, не дай бог, алкогольный коктейль? Напьются и опять же на меня, то есть на стойку, полезут!

– Анна! – Мда, у Виктора Николаевича, похоже, чувство юмора отсутствует полностью, даже крохотной кучки в углу не найдется. Пунцовый оттенок физиономии прелестно гармонировал с рубашечкой цвета фуксии. – Что вы говорите такое!

– Не обращайтесь внимания, она только такое в основном и говорит. – Вот же злыдень! – Виктор Николаевич, сколько времени у нас займет вся эта процедура?

– Где-то...

– Да не важно, освободишься – позвонишь, – знаю, что перебивать нехорошо.

Но я сегодня вообще не совсем адекватна. Состояние предгрозовое, воздух вокруг меня искрит и потрескивает, лучше уйти поскорее.

Что я и сделала: выдала кривой оскал, мало похожий на светскую улыбку, развернулась и направилась в сторону ближайшего перехода. Иначе к супермаркету, находившемуся на противоположной стороне проезжей части, было не попасть.

Странно, погода сегодня выдалась на редкость хорошая, теплая, солнечная, но чем дальше я уходила от мужа, тем холоднее становилось вокруг. Казалось, все тело покрывается ледяной коркой, неудержимо захотелось вернуться, вцепиться в Лешкину руку и утащить его в джип. Желательно в багажник, чтобы он не мешал его увозить.

Психопатка. Причем параноидальная.

С трудом дотащила ледяную глыбу, по недоразумению именуемую Анной Лоцининой, до входа в супермаркет. Скрежеща и роняя ледяные крошки, оглянулась. У входа в офис никого, естественно, уже не было. Ну и хорошо.

Займусь пока поисками чего-то основательного, внушающего доверие, заряжающего позитивной энергией. Вот как эта, к примеру, баночка яблочного повидла.

Вы что по утрам предпочитаете на тостик намазывать – сорбиновую кислоту, бензоксильный натрий или сернистый ангидрид? Все это можно было найти в стоявшей на полке баночке, о чем честно сообщала этикетка. Интересно, а в темноте баночка светится?

Вкушать же сие великолепие лучше под соответствующую музыку. Что у нас тут может быть такого, сернистому ангидриду соответствующего? Ага, вот: группа «Кирпичи» наваяла альбом «Камни».

Сильно. Внушает. Вызывает восхищенный трепет. Решено – куплю Лешке. Пусть учится у великих, попсытник убогий.

Попсытник прозвонился где-то через час, и мы отправились в японский город Восвояси.

Гордый обладатель виллы на Лазурном Берегу от возбуждения не мог усидеть на месте, что весьма негативно отражалось на его манере вождения. На наше счастье, ни одного доблестного блюстителя правил дорожного движения на пути не встретилось.

На дачу мы вернулись целыми и почти невредимыми. Почти – потому что господин Майоров слегка повредился рассудком, прослушивая подаренный мной диск. Я ведь заставила его слушать сей шедевр всю дорогу! Ух, до чего же я гадкая и злопамятная!

На даче нас ждали с нетерпением, всем хотелось посмотреть место будущего релакса. Рекламные буклеты публику не удовлетворили. Публика в довольно категоричной форме требовала видеопоза. И мы направились в комнату Инги, где стоял единственный на даче компьютер.

Ника, сосредоточенно сопя, по лестнице карабкалась самостоятельно, предложение поехать на моих либо папиных руках было встречено презрительным молчанием. Поэтому мы с ней добрались до места сбора последними, видео уже запустили.

– Дядька Алька! – Глаза Инги просто фонтанировали восторгом. – Как же здорово! Целых два бассейна, и для Никуськи есть!

– Что для Никуськи? – немедленно отреагировала дочка. – Пустите меня, я хочу смотреть!

– Конечно, солнышко мое! – Лешка подхватил малышку с пола и усадил себе на колени. – Смотри, маленькая хозяйка большого дома, мы скоро сюда поедем. Нравится?

– Нет! – Ника ужом вывернулась из папиных рук и бросилась ко мне. – Мама, я не хочу туда! Мне там плохо! Тебе там плохо! Папе очень плохо! Злой, там кто-то злой!

Все растерянно замолчали, глядя на бьющегося в истерике ребенка. Такого с нашей хоо-тушкой давно не случалось. Что-то похожее было чуть меньше года назад, когда ситуация с Лешкой резко обострилась. Но с тех пор – ни разу.

Я прижала к себе плачущую дочку, покачивая дрожащее тельце, и шептала что-то успокаивающее.

– И что теперь? – общий вопрос высказала Инга. – Неужели не поедem туда? Так жалко!

– Не знаю, – еле слышно проговорил бледный до синевы Майоров. – Но если Ника и дальше будет так реагировать, придется расторгнуть сделку. И черт с ней, с неустойкой!

– Лешечка, Анечка, – Ирина Ильинична смотрела на нас с искренним недоумением, – вы что, с ума сошли? Из-за обычного детского каприза готовы отказаться от такого чудесного дома? Сережа, а ты что молчишь!

– Молчу, потому что не знаю, что сказать. – Сергей Львович задумчиво потер переносицу. – Алексей, а ты, прежде чем покупать виллу, навел о ней справки?

– Разумеется. – Лешка, не отрываясь, смотрел на почти успокоившуюся дочь. – Хомка ведь тоже упрямилась, не хотела покупать. Вот я и попросил Винсента Морено собрать всю имеющуюся информацию. Поверьте, там абсолютно чисто, дом только что построен, в нем никто еще не жил – ни злой, ни добрый.

Глава 6

– Аннушка, – Левандовский-старший пересел поближе к нам с Никой, – а ты почему не хотела этот дом? Он ведь, согласишься, великолепен. Да и место, судя по видео, тихое и спокойное. Зелени вон сколько, собственный пляж, бассейны. Что не так?

– Сергей Львович, миленький, если бы я могла четко и внятно объяснить свое отрицательное отношение к этой вилле, я давно бы это сделала. – Чтобы предательский голос не дрожал, нужен дополнительный источник душевных сил. Сейчас этим источником стала теплая макушка дочери. – Но у меня лично все на уровне ощущений, переходящих в галлюцинации.

– Какие еще галлюцинации? – Лешка нахмурился. – Мне ты об этом ничего не говорила.

– Потому что прекрасно понимаю, что это – параноидальный бред. Ведь ты вернулся всего полгода назад, и я на радостях совершенно наплевательски относилась к своему здоровью. Но я больше не буду, честно! Торжественно обещаю поехать с тобой к морю и дисциплинированно лежать на солнце, каждые пятнадцать минут окунаясь в воду.

– К морю? – прищурился Сергей Львович. – На вашу новую виллу в Сан-Тропе?

– А почему нет? – Надеюсь, пожатие плечами получилось достаточно снисходительным, с легким оттенком надменности.

– Тогда чего дергаешься? – видимо, не получилось. Бездушный муж растоптал очередную надежду. – Ты давай, не отвлекайся, рассказывай о своих галлюниках.

– Да ерунда это...

– Улечка, расскажи, ну пожалуйста!

Не удивляйтесь новому имени, это из прошлого. Так разрешено меня называть только Инге.

Я посмотрела на притихшую дочку. Ника перебралась с моих коленей в угол дивана, на котором мы сидели, устроила уютную норку из моего бока и моей же руки и теперь грустным мышонком выглядывала оттуда. Личико ее было странно сосредоточенным. Ладно, малыш, я попробую.

– Только не смейтесь, хорошо?

– А похоже, что кто-то собирается? – Алина ободряюще улыбнулась.

– В общем, так. Начну с того, что меня немного напрягло внезапное исчезновение Изыслава Геннадьевича, с которым у нас была определенная договоренность насчет дома в Подмосковье. А потом появился зализанный непонятно кем Виктор Николаевич со своей виллой, и Леша сразу загорелся ее купить.

– Так тебя смущает только пропажа риелтора? – уточнил генерал. – Но, насколько я слышал от Леша, там ничего криминального.

– Не только. Мне эта вилла просто НЕ ПРАВИТСЯ! Когда я смотрю видео, мне мерещится всякая ерунда: грязь в бассейне вместо воды, странные черные силуэты за окнами. Жутью от нее веет, от вашей дурацкой виллы, вот!

– Да! – выдохнула Ника и прижалась к маминому боку еще сильнее.

– Гм, дела. – Сергей Львович поднялся и заходил по комнате. – С одной стороны – звучит как полнейший бред...

– Вот именно! – не сдержалась Ирина Ильинична. Возмущение буквально переполняло бабу Иру, крышка чайника давно уже подпрыгивала, и вот, наконец, прорвался свист: – Сидят, слушают, рты пораскрывали! Анечка сама сказала, что с нервами у нее не в порядке, да и немудрено – сколько ей, бедняжке, пережить пришлось! Один маньяк людоедский чего стоит! Посиди я в том подвале, мне бы, наверное, черные люди повсюду мерещились!

– Иринушка, успокойся, – мягко улыбнулся генерал, – тебе нельзя волноваться. Ишь ты, развоевалась! Но, понимаешь, есть ведь еще и малышка. И ее не совсем обычные способности, от которых отмахнуться не получится.

– Так что же теперь? – Инга, судя по дрожавшим в уголках глаз слезам, совсем расстроилась. – Мы никуда не поедем?

– Конечно, поедем! – слишком уж бодро откликнулся Лешка. Нарочито бодро. Что вполне могло закончиться таким же свистом, как у Ирины Ильиничны. – Я быстренько продам эту чертову виллу и куплю другую...

– А вот спешить не надо, продать ее вы всегда успеете. – Сергей Львович закончил обход комнаты, что обычно означало принятие какого-либо решения. – Я предлагаю вот что. Виллу эту вы видели только на видео, верно?

Дружный кивок.

– Но ведь его, видео, кто-то снимал, так?

Так.

– А значит, весь тот негатив, который ощущают наши девочки, вполне может налагаться личностью оператора! – торжественно закончил генерал и, не удержав знамя торжественности, хмыкнул: – Слышали бы меня сейчас мои коллеги! Сразу на пенсию выперли за веру в черное зло.

– Дедуля, ты у меня самый умный! – радостно завопила Инга, вскочила с места и бросилась к деду на шею. Шея охнула от неожиданности – девочка-то выросла. – Уррра! Все объяснилось!

– Ну, все – не все, но могу порекомендовать вот что: вам, ребята, надо поехать в Сан-Тропе, но не сразу на виллу. Снимете на недельку номер в каком-нибудь отеле, осмотритесь, походите по дому, проверите ощущения, так сказать, на месте. А потом уж примете окончательное решение.

– Сергей Львович, вы – гений! – На лицо моего мужа, поначалу робко и нерешительно, начали возвращаться краски.

– А ты что же молчишь, Аннушка? Не согласна?

– Почему же, согласна, – даже улыбку смогла нацепить, – и с Лешей согласна, вы действительно гений.

– А ты, Никуська, что скажешь? – Лешка выхватил малышку из норки и закружил. – Поедем на море? Купаться?

– Поедем! – Папс знает, как развеселить малышку, вон уже хохочет. – Купаться!

Но почему, почему мне по-прежнему плохо?

И мы поехали. Да еще так шустро! Уже через неделю мы почти тем же составом, исключив лишь Ирину Ильиничну, стояли возле стойки регистрации в аэропорту Шереметьево.

Но улетали пока только Майоровы, Левандовские были провожающими, поскольку сорваться с места и полететь могли только такие вольные птицы, как мы с Лешкой. Нет, Майоров вовсе не ушел со сцены, хотя еще зимой о возвращении на нее и речи не шло. Но Лешка сделал все возможное и невозможное, и осенью ему предстоит грандиозный гастрольный тур, вызвавший небывалый ажиотаж. Билеты начали раскупаться за полгода, график был плотно расписан, но это будет осенью, а пока Лешка пребывает в звании вольной птицы. А я при нем.

Алине же с Артуром вырваться оказалось немного сложнее, присоединиться к нам они могли не раньше, чем через десять дней. Поэтому и решено было, что мы едем первыми. Тем более что локализации места отдыха пока не произошло. Мы, как и советовал Сергей Львович, забронировали на неделю номер в уютном небольшом отельчике в Сан-Тропе. Если с виллой все будет в порядке, мы с радостью переберемся туда, если все же... В общем, на этот случай Лешка взял у Виктора Николаевича список вилл, сдаваемых в аренду и свободных в интересующий нас период, то есть в июле – августе.

В любом случае к моменту приезда Левандовских вопрос будет решен.

Из-за всей предстоящей беготни Мая пришлось пока оставить в Москве, у Левандовских. К тому же в нашем отеле проживание с животными было запрещено. Возможно, на какого-нибудь той-терьерчика администрация глаза и закрыла бы, но один вид очаровашки ирландского волкодава заставлял их, эти глаза, раскрываться в два раза шире, чем допустимо природой.

Так что парень приедет вместе с Левандовскими.

А как он выл, когда мы уезжали! До сих пор мороз по коже. Чувствовал, наверное, что мы его оставляем, и никакие уговоры не помогли. Пес лизал мои руки и... плакал. Серьезно. Потом он попытался забраться в машину, затем притащил свой поводок и даже ненавистный намордник, он заглядывал в глаза всем, кому мог, он тащил Нику в дом, аккуратно взяв зубами за рукав джинсовой курточки. А когда малышку у него забрали, даже рыкнул пару раз. За что и был заперт в гараже.

И тогда Май завыл. Страшно и громко, как по покойнику. И этот вой долго еще звучал в ушах, даже когда мы отъехали от дачи достаточно далеко.

Не знаю, поведение ли пса испортило всем настроение или просто не хотелось расставаться, но проводы получились грустными. И если взрослые старательно изображали полную безмятежность, то девчонки лицедействовать не желали и, когда пришла пора прощаться, устроили грандиозный рев. Инга, правда, пыталась улыбнуться, но губы кривились, по щекам неудержимо текли слезы. А Ника вообще не старалась, она плакала в голос.

Пробовали успокаивать – не получилось. Оставалось одно – разойтись. Что мы и сделали.

– Инга, не реви, через десять дней увидимся! – Я поцеловала мою маленькую подружку в соленую щеку. – Не забудь, ты отвечаешь за Мая. Проконтролируй, пожалуйста, чтобы твои рассеянные мама и папа собрали все документы на пса. И не забыли оплатить его перелет. Договорились?

– Ага. – Инга кивнула и улыбнулась, на этот раз получилось в целом неплохо. – Обещаю. Только вы звоните, каждый день звоните!

– Обязательно. И твоих звонков ждем. Ну, все, мы пошли. Леша, давай.

Что означало – быстренько хватай Нику на руки и бегом в накопитель. Я же взяла на себя завершающий этап прощания с провожающими. Это заняло еще минут десять.

А потом я присоединилась к моей семье. Младшая часть семьи к этому моменту успокоилась, сидела рядом с папой и, изредка судорожно всхлипывая, с любопытством рассматривала темнокожего парня. А там было на что посмотреть: разноцветные дреды, яркая африканская накидка в сочетании с истертыми в самых неожиданных местах джинсами, необычные, украшенные этнической вышивкой высокие кеды, а еще – тыква-калебаса, выполнявшая, видимо, роль сумки.

Так что ребенок был занят до самой посадки в самолет.

И вот тело металлической птицы дрогнуло, крылья упруго расправились, гул нарастает, быстрее, быстрее, быстрее – и мы уже в небе.

Глава 7

В самолете делать было, как всегда, нечего. А его, нечего, делать гораздо сложнее, чем, скажем, табуретку. Потому что нудно очень. Свежего запаха древесных стружек нет, нет и веселого повизгивания рубанка и... Вот кстати, чем еще делают табуретки? Лобзиком? Молотком?

Но увы, чем бы их ни делали, в самолете все равно ничего подходящего не найдется. На борт даже циркуль проносить запрещается, а тут целый лобзик!

И с запахом свежих стружек здесь не складывается. Древесины-то хватает, причем и довольно ценные породы встречаются, вон, слева через проход, в кресле дуб растет. И даже золотая цепь на дубе том есть. Вот только строгать его как-то не хочется, боюсь, последствия будут весьма плачевные. Для строгальщика.

Вот и приходится делать нечего. Поели, попили – и опять нечего. Лешка с Никой справились с проблемой довольно быстро, они заснули. Экскурсий «А вот это, друзья, перед нами семейство Майоровых» в бизнес-классе, слава богу, не было, все любопытствующие остались в экономе. Судя по возмущенному шепоту, попытки проникновения все же предпринимались, но закаленный персонал AIR FRANCE с проблемой справился легко и непринужденно.

Делать все еще нечего. О, придумала! Поскольку я теперь возможная хозяйка виллы на Лазурном Берегу, надо озаботиться поддержанием порядка на вверенной мне территории. А значит, нужны предупредительно-запретительные таблички по периметру ограждения. И не банальное «Осторожно, злая собака!», нет. Этого мало. Надо предусмотреть все возможное и невозможное.

Без ложной скромности отмечу, что уровень моего интеллекта в определенные дни лунного календаря (обычно на растущей луне) просто зашкаливает. А сейчас луна явно росла как на дрожжах, поскольку у меня получился просто шедевр. С переводом на французский, боюсь, будет посложнее, но ничего, сие рассчитано в основном на соотечественников.

Особенно если в окрестности Сан-Тропе забредут дикие туристы, обвешанные рюкзаками, палатками и алюминиевыми котелками. Знаете, заросшие такие, в брезентовых штормовках и с гитарами? Гимн у них еще такой заунывный: «Милая моя, солнышко лесное, где, в каких краях, встретимся с тобою?»

Придут они за солнышком в наш край, а там таблички по периметру:

«Внимание! Розжиг костров, выгул собак, отлов и отстрел дичи, выпас и выгон скота, а также выполз змей и выпорос свиней, выжереб коней и выкобыл лошадей, вымет икры, вылуп птиц из яиц, выкукол бабочек и выхухол выхухолой, выкур курей и выпрыг кенгурей, обгад ромашек, обдир ягод, выруб леса и вылом веток, выслеж зайца, выпуг тетерева, выдох вдоха, выхлоп газов, вынос тела, вы нас за нос – мы вас по уху, выкидыш мусора, выводок гусей, выродок людей, выплав стали, выплыв сельди, выпендр фраеров, выстрел «Аврор», выклянч денег, вымуштр солдат, вытряс половиков, выпад из окна, выпор детей, выдрем в гамаках, вытрем губ и выпук глаз, высморк насморка, вытреп и разбрех государственных тайн, выкус накоси и накось выкуси. А главное – загляд и залаз в дупла с выкуром оттуда пчел и распробом меда ЗАПРЕЩЕН!»

Вроде я все предусмотрела, дикие туристы должны проникнуться и не проникать на территорию.

Радионяня заботливо сообщила, что не мешало бы пристегнуться, подлетаем. Вот и замечательно, хлопоты по хозяйству сделали нечего!

Проснулись Майоровы. Я, как человек скромный и ненавязчивый, немедленно продемонстрировала мужу результат мозгового штурма. Ржал, негодяй, долго.

Это от зависти.

Во Франции мы с Лешкой уже были, но в самом начале нашей семейной жизни. Собственно, здесь, в Париже, и было положено начало этой самой жизни, причем положено очень романтично – в ажурную коробку маленькой церквушки, расположенной в одном из предместьев Парижа. Здесь мы венчались в День святого Валентина несколько лет назад.

Но это было зимой, в промозглом и слякотном феврале. И пусть мне тогда даже слякоть казалась самой лучшей слякотью в мире, но начало июля на Лазурном Берегу!..

Эмоции, захлебнувшись восторгом, с умиротворенными улыбками утонули в нем. Пока наше такси пробиралось по узким улочкам Сан-Тропе к отелю, Лешка был плотно ангажирован оживленно комментировавшей все увиденное Никой, поэтому на притихшую маму никто не обратил внимания.

За что и поплатились! Вернее, поплатился. Лешка. Бедняге пришлось вытаскивать из машины не только маленькую дочку, но и довольно объемный, блаженно переливающийся удовольствием пузырь восторга. Хотя в данном конкретном случае больше подходит белорусское (или украинское) слово «бурбалка», потому что я еще и несвязно бормотала что-то радостное. В общем – бурбалка восторга.

Впрочем, усердное пыхтенье Лешки, старавшегося не повредить бурбалку, оказалось напрасным, бурбалка все равно лопнула от счастья и с радостным визгом повисла на гвоздике, ставшем виновником взрыва.

Хотя о чем это я? Во-первых, не виновник, а виновница, а во-вторых, не такая уж Таньский и гвоздик!

– Ты откуда здесь? – Я исключительно между прочим ради подтверждения увиденного легонько (честно!) ущипнула подругу за упругий холеный бок. – Ты мне не мерещишься?

– Вот и ни фиги же себе! – возмущенно заблажила любимая жена наследника миллионов Хали Салима. – Ждешь тут эту мадамку, готовишься, трепещешь от предвкушения встречи, одеваешься с продуманным изяществом, а она вываливается, понимаешь, кулем из машины, потом всем своим немаленьким весом обрушивается на мою хрупкую... да, хрупкую, и нечего ехидно хихикать!.. шейку и, чтобы окончательно разбалансировать мою нежную нервную систему – щиплетя!

– Тетка Та! – Из папиных рук смогла наконец выкрутиться Ника, имевшая собственное толкование имени госпожи Татьяны Халим (в девичестве – Старостенко). – Я приехала!

– Вижу, бусинка! – Тетка моментально забыла, что ей следует продолжать кипеть и булькать возмущением, и расплылась ласковой лужицей. – Мы с Денькой и Лелькой тебя заждались уже! Со вчерашнего дня ждем!

Горластый всплеск эмоций мгновенно превратил невыносимо элитный двор отеля в уголок одесского Привоза. Вышколенный (на мой взгляд, слегка перешколенный) швейцар, выгружавший наш багаж из такси, передвигаться начал почему-то боком, по стеночке. Поскольку ближайшей стеночкой были идеально ровно подстриженные кусты, вдоль них сейчас швейцар с намертво приколоченной к физиономии вежливой улыбкой и изображал сейчас краба. Несмотря на общую перешколенность, было заметно, что служивый едва удерживается от угрожающе-защитного вздыбливания массивных клешней. Знаете, как это обычно делают крабы.

Ничего, пусть привыкает. Это вам не чопорные скучные французы с англичанами пенсионного возраста, предпочитающие такие вот тихие, уютные отельчики, все гораздо серьезнее.

Причем серьезнее в квадрате, поскольку семейство Майоровых, выбравшее сей пансион исключительно ради гарантированного отсутствия соотечественников, само по себе являет обстоятельство непреодолимой силы, а уж в компании Салимов! Младшая ветвь которых, вернее, две ветви – Лейла и Денис, только что упругими загорелыми мячиками выкатились из холла отеля.

– Ника приехала, ура! Здравствуй, тетя Аня и дядя Леш! – Нас поприветствовали мимоходом, впрочем, что это я – мимоходом.

После чего маленький торнадо, завихрив в себя Нику, умчался в сторону бассейна.

Послышались глухие шлепки, похожие на грушепад в саду. Только в роли переспелых груш выступали дамочки разной степени зрелости, выпадавшие в восторженный обморок.

Все ясно, приближается красавчик Хали. Его внешность по-прежнему совершенно убойна для всех без исключения (почти) особой женского пола – высокий, смуглый, с неожиданно синими глазами, густые выющиеся волосы, тигриная грация движений – шок и трепет. Сердечный шок и нервный трепет.

В свое время Хали всю пользовался этим великолепием, немало скорбных верстовых столбиков с надписью «разбитое сердце» осталось на его жизненном пути. Продолжалось это ровно до тех пор, пока этот путь не пересекся со скромной тропинкой Таньского. И – все. С тех пор другие женщины для Хали не существуют.

Он великолепный муж и совершенно безумный отец, я лично знаю только одного человека, составившего в этом достойную конкуренцию господину Салиму. Причем безоговорочно победившего в этом негласном соревновании.

Что значит – кто это? Ну и вопросыки вы задаете! Лешка, конечно.

Который, если судить по довольной физиономии, и устроил для меня этот сюрприз.

– Твоя работа? – Я прижалась щекой к теплому плечу. – И ведь ни словечка, ни намека!

– Я, между прочим, – немедленно загордился Майоров, – в некоторых ситуациях молчалив и надежен, как скала. В нашем с Хали заговоре было только одно слабое место, но оно, пусть и с невероятным трудом, смогло удержаться от трепа.

– Оно?! – Брови Таньского медленно, но неотвратимо направились в сторону переносицы. – Это кто тут «оно»?!

– Она, конечно же, она! – мурлыкнул Хали, обнимая жену. – Самая красивая «она» в мире! Исключая присутствующих, конечно.

– Это ты вовремя уточнил. – Я задумчиво осмотрела свои достаточно длинные ногти.

– Может, все-таки пойдем в отель? – рискнул проявить нетерпение Лешка. – В душ хочется, есть хочется. И пить, между прочим, тоже.

– Тания, а где дети? – Хали встревоженно осмотрел двор.

– Переполошился уже, папулька. – Таньский ласково улыбнулась. – Утащили Нику в бассейн. Иди, выволакивай оттуда всю гоп-компанию.

– Зачем? – Хали начал расстегивать рубашку, что немедленно спровоцировало два шлепка о землю. – Я лучше присоединюсь к детворе. Тания, пойдем! Пусть пока Алекс и Аня устраиваются, а мы Нику попозже приведем. ОК?

Глава 8

Выбор отеля, естественно, оказался неслучайным. Лешка, стремясь сделать нашу первую поездку на отдых втроем максимально запоминающейся, созвонился с Хали, отец которого, Мустафа, владел сетью высококлассных отелей EASTERN PARADISE. Логично было предположить, что Хали, активно помогавший отцу в ведении бизнеса, знаком со многими другими владельцами отелей и мог порекомендовать самую лучшую из целой россыпи VIP-избушек в Сан-Тропе.

Хали, разумеется, порекомендовал, но неосторожно поделился новостями с женой. А разделенная новость мгновенно перестает быть новостью и в зависимости от ситуации становится либо головной болью, либо вчерашней газетой, закончившей свой жизненный путь в кошачьем туалете.

В данном случае новость стала образцово-показательной головной болью, справиться с которой не могли никакие новомодные и суперсильные анальгетики. Таньский, вышедший на тропу войны, – это, скажу вам, само по себе стихийное бедствие, а когда о том, что Ника будет отдыхать на море, узнали дети, ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Жалкий лепет главы семьи о том, что туристический сезон в разгаре, что Мустафе будет сложно справляться одному, и вообще, если уж так загорелось отдохнуть с Майоровыми – езжайте сами, Таньский даже слышать не хотела. Что значит – сами? А куда Алексея тогда девать? Ведь если не поедет Хали, Майоров будет постоянно маячить возле жены и мешать задушевному триндежу, ох, простите – конечно же, беседе. Ведь все продумано: Ника тусуется с Салимами-младшими, Таньский – с любимой подружкой, а Хали обсуждает загадочные мужские проблемы с Алексеем. Все пристроены в кружки по интересам. Собравшиеся присоединиться чуть позже Левандовские идеально вписывались в конструкцию.

Чтобы не тратить драгоценные нервные клетки попусту, Таньский позвонила свекру. Мустафа, обожавший невестку, буквально пинками выпроводил сына в отпуск. На целый месяц! Июль!! Высокий сезон!!!

Хали, конечно, потрепыхался, изображая бизнес-энтузиазм, но только слегка, дабы не переусердствовать. Ведь, по большому счету (да и по малому тоже), он ни разу еще не отдыхал с семьей так долго. Максимум – неделю. А тут – целый месяц!

В общем, наш отпуск начался просто замечательно. Замечено было все: и уютный трехкомнатный номер, и вежливый персонал, и закутанная разноцветной зеленью территория отеля, и вкуснейшая кухня. Хотя почему кухня? Кухонные причиндалы я лично не дегустировала, поэтому о вкусе мебели, плиты, кастрюль и посуды ничего сказать не могу. А вот еда в ресторане была обалденной.

Синее небо, утонувшее в таком же море, мягкий песок пляжа, веселое разноцветье зонтиков от солнца – вся эта летняя карусель закружила, увлекла, унесла нас буквально с первых минут. А заодно – вымела из души все страхи и тревоги. И пусть до виллы мы пока так и не добрались, но это вовсе не из-за моей паранойи, просто не получилось. Просто местного риелтора, у которого были ключи от нашего владения, не оказалось на месте, он срочно куда-то уехал. Но обещал появиться через три дня.

Можно было бы, конечно, съездить туда и осмотреться. Ознакомиться, так сказать, с окрестностями. Но тащиться в машине ради сомнительного удовольствия знакомства с неразговорчивыми деревьями, заборами и домами, когда здесь такое море, такое солнце, столько радостного визга, издаваемого веселой троицей – нет уж, дулюшки!

Завтра нас готов осчастливить своим присутствием мсье Паскаль, тот самый риелтор, вот тогда мы и договоримся о времени посещения нашей недвижимости. А пока, поскольку она недвижимость, она никуда и не двинется.

В данный же момент мы с Таньским, спрятавшись от солнца под широкополыми шляпами, постоянно провоцировавшими наших мужей на разнообразнейшие грибные эпитеты в наш адрес, удобно устроились в шезлонгах и наблюдали за своими впадшими в детство половинками.

Лешка и Хали упали туда, в детство, с преогромнейшим удовольствием. И ладно бы это ограничивалось только пляжем, как, к примеру, сейчас.

Два великолепных (к черту скромность!) представителя рода мужского – загорелые, подвижные, не обремененные ни единым граммом лишнего жира, сияя белоснежными улыбками, азартно вопят, толкаются и падают в песок, играя с детворой в футбол. Конечно, большой надувной мяч – не самый лучший выбор для этой игры, но зато весело!

Валявшиеся тут и там в обмороке женские тела совершенно нас не напрягали. Впрочем, нет, кое-что напрягало – отсутствие штабелеукладчиков на пляже. Собирали бы излишне восторженных и впечатлительных дам и укладывали в аккуратные штабеля. И на пляже стало бы гораздо больше места для игр.

Надо ли говорить, что нам с подругой пришлось прикупить пару килограммов талисманов, защищающих от сглаза и черной зависти. Белая нам не страшна, на то она и белая. Вот только собравшийся на пляже серпентарий в основном капал ядом и шипел. Кое-что из шипения долетало и до нас, но мы не все понимали, поскольку с французским были на «вы». Впрочем – вру, я одна была на «вы», Таньский почти на «ты». Несколько лет проживания в Швейцарии бесследно не проходят, подруга довольно бойко болтала теперь на основных европейских языках, моя же болтовня ограничивалась английским и немецким.

Но и на английском, и на немецком, и на французском шипение сводилось к одному: ЧЕМ могли приворожить эти ничем не примечательные серые мыши таких красавцев? А что без приворота не обошлось, не сомневалась ни одна из змей, ох, простите, дам. Иначе как можно объяснить тотальное безразличие красавчиков к остальным представительницам прекрасной половины человечества, причем иногда суперпрекрасной. И сверхсексапильной. И готовой на все. И... Обидно!

Но мало этого, гадкие мыши еще умудрились родить красивых детей! И синеглазые брат с сестрой, и кроха с какими-то совершенно необыкновенными глазами – до отвращения хорошенькие! Конечно, их несомненное сходство с секс-символами пляжа многое объясняет, но с такими мамашами могли быть и поплоше.

Плюйтесь ядом, плюйтесь. Нас с Таньским это только забавляет. Во-первых, потому, что мы вовсе не серые мыши, а очень даже загорелые, посвежевшие и весьма привлекательные мыши. Вот если бы у меня осталась седина, появившаяся в момент «гибели» Майорова, я могла бы номинироваться на звание именно серой мыши, но, к счастью, теплый медовый оттенок моих волос вернулся вместе с Лешкой. Так что с нами все в порядке.

Я ведь упоминала, что плюхнувшиеся в детство господи Майоров и Салим не ограничивались пляжными игрищами? Знали бы шипящие от зависти дамы, чем еще развлекаются эти мачо! Это будет во-вторых.

Мы с Таньским тоже не знали, пока к нам не подошел владелец отеля и, жутко смущаясь и запинаясь, попросил нас поговорить с мужьями и убедить их вести себя более адекватно. Сам мсье Жюль не в состоянии говорить об этом с многоуважаемым мсье Салимом, которого знает как жесткого, делового и прекрасно образованного бизнесмена.

Жюль долго бы еще блеял и мялся, но Таньский прекратила его страдания, в довольно категоричной форме потребовав объяснить: в чем, собственно, дело?!

И тогда нам была вручена кассета с записью камер видеонаблюдения ближайшего супермаркета, а также письменный перечень зафиксированных там развлечений наших дражайших супругов за истекшие два(!!!) дня. К этому было приложено письмо владельца супермаркета, в

котором он очень вежливо просит нас не пускать мсье Салима и мсье Майорова в это торговое заведение одних.

Вот он, краткий перечень забав наших серьезных и очень солидных мужей.

Мсье Салим, озабоченно перебирая золотые и платиновые кредитные карточки в своем бумажнике, попросил у администратора оформить покупку шоколадки в рассрочку.

Мсье Майоров взял двадцать четыре упаковки презервативов и разложил их в корзины других покупателей, пока те не видели.

Мсье Салим сделал дорожку из томатного сока, ведущую в туалет.

Мсье Майоров в ответ на предложение сотрудников помочь в выборе товара начал плакать и кричать: «Люди, почему бы вам просто не оставить меня в покое!»

Мсье Салим в отделе огнестрельного оружия спрашивал у продавца, где можно купить антидепрессанты.

Оба носились по магазину, громко напевая музыкальную тему из кинофильма «Миссия невыполнима».

Прятались в стоках с одеждой, пугая покупателей криками: «Выбери меня! Выбери меня!»

Мсье Майоров, услышав объявление по громкой связи в зале магазина, принял позу эмбриона и закричал: «О нет! Снова эти голоса!»

Мсье Салим заперся в примерочной кабинке и спустя некоторое время громко закричал: «Здесь нет туалетной бумаги!»

Мсье Майоров передвинул предупреждающий знак «Осторожно. Мокрый пол» в зал с ковровым покрытием.

Оба мсье в отделе туристических товаров поставили палатку и приглашали остальных покупателей зайти к ним, если они захватят с собой подушки.

Мсье Майоров установил все будильники в отделе товаров для дома так, что они звонили с пятиминутным перерывом.

Я же говорю – дети!

Глава 9

Поверьте, на видео все это выглядело намного эффектнее. Не знаю, как там насчет Хали, но в отношении Майорова за обладание сей пленочкой любой из доморожденных папарацци продал бы душу. Хотя кому нужна его душонка? Если только почка. Но нам с Таньским, к счастью, ничьи почки, печень и прочий ливер совершенно не нужны.

Зато нахохотались мы всласть, до слез, особенно понравившиеся эпизоды просматривали по нескольку раз, и в итоге к моменту возвращения основной части семейств из бассейна ослабели от смеха настолько, что могли только слегка повизгивать от изнеможения.

– Эй, мамульки, мы пришли! – радостно завопил Лешка, зажав брыкавшуюся и хохочущую Нику под мышкой. – На рыбалке вот были, посмотри, каких бегемотиков поймали!

– А у меня целых два! – похвастался Хали, держа свою добычу так же, как его подельник. – Разжигайте костры, женщины, будем готовить бегемотов на вертеле. – В очередной раз поражаюсь способностям Салима-среднего к языкам. Если Таньский может только немного общаться и понимать иностранную речь, то владение ее мужем этой самой речью безупречно. В том числе и русской, присутствует лишь едва заметный акцент, да и тот удачно сливается с обстановкой. – Эй, а что это с вами? Солнечный удар по темечку?

– Думаю, все гораздо серьезнее. – Лешка нарочито заботливо склонился надо мной и попытался свободной от бегемотика рукой оттянуть мне веко. Был наказан пинком. Не вразумило, инсинуации продолжились: – Здесь похоже на отравление собственным ядом. Похоже, концентрация его во много, во много раз превзошла ПД.

– Папс, а что такое ПД? – Ника уже не висела брыкающимся кулечком, она удобно устроилась на сгибе папиной руки.

– Это, дитя мое, такая штука, – Майоров мгновенно преобразился в нудного профессора, – когда две на первый взгляд милые и воспитанные тети...

– Мамы! – уточнила Лелька (она же Лейла).

– Умница, доченька. – Хали звонко чмокнул свою златовласку в загорелую щечку. – Правильно мыслишь.

– Вот так, значит, да? – Таньский, обиженно сопя, смогла втиснуться в королевскую осанку и гордо выпрямиться в кресле. – Анюта, эти два невоспитанных бабуина...

– Видите, детки, – ее муж, усевшись на диван, жалостно вздохнул и погладил деток по головам, – как мама вас называет!

– А я кто? – подпрыгнула от восторга Ника. – Тоже невоспитанный бабуин?

– Видимо, да. – К эпидемии отцовского сочувствия присоединился и Лешка. – Наши мамы очень злые и ругательные сегодня.

– Тогда я не поняла, – хихикнула дочка, – почему Денька бабуин? Ведь бабуины – это женщины, да?

– Да!!! – с отвратительным энтузиазмом заорали папашки.

– С чего ты взяла? – игнорируя неспортивное поведение мужчин, поинтересовалась я.

– Ну как же, мамс! Женщин ведь еще иногда называют бабами...

– Да!!!

– Ну вот. А чем бабуин отличается от бабы?

– Ничем!!!

Боже мой, как мало надо некоторым особям для счастья! Просто светятся от радости. Ладно, пора и нам сверкнуть.

– Таньский, – вкрадчиво начала я, направляясь к входной двери нашего номера, где, собственно, и проходил просмотр, – пульт от видео у тебя?

– Умгум, – утвердительно мурлыкнула она.

– Тогда перемотай на начало и запускай. – Я повернула ключ, запирая дверь, после чего вернулась на место и устроилась поудобнее, предвкушая.

– Эй, что происходит? – Мужчины почувствовали неладное. Еще бы не почувствовать, запах-то пикантный. – Зачем заперли? Что запустать? Вы что задумали, а?

– Хотим вот детям показать очень смешную комедию, нам ее из ближайшего супермаркета передали.

– Откуда?! – подскочили затейники.

– Оттуда. Думаете, ваши шалости пройдут бесследно?

– Какие шалости, мамс? – Ника забралась ко мне на колени и нетерпеливо затеребила за прядь волос. – Папины? А он что, тоже шалит?

– Еще как! Причем не один, а с дядей Хали. – Месть хороша в любом виде.

– Но дверь-то зачем запирают? – Лешка подобрался ко мне поближе. – Неужели вы думаете, что мы трусливо сбежим?

– Не трусливо, а позорно, – ехидно уточнила я, предусмотрительно спрятав ключ в... Надежно, в общем, спрятала.

И начался просмотр. Чего только не перепробовали наши мужья, пытаюсь прекратить это безобразие, но все оказалось напрасным.

Впрочем, после окончания видеосеанса выяснилось, что и беспокойство папочек тоже было напрасным. Воспитательного урока не получилось, отцы окончательно и бесповоротно превратились для детей в кумиров и объекты для подражания.

– Папа, папа! – Денька возбужденно прыгал вокруг Хали. – Возьми меня в следующий раз с собой! Я тоже хочу!

– И я!

– И я!

А еще девочки! Нежные и застенчивые должны быть, в куклы играть, кудельки друг другу мастерить, а они...

Хулиганье вокруг, сплошное хулиганье!

Разумеется, провал воспитательной операции вовсе не помешал нам до вечера подкалывать Лешку и Хали, так что к ужину наши мачо превратились в подушечки для иглолок.

Что не помешало им заказать великолепнейший ужин. Завтра должен был появиться риелтор, вполне возможно, что мы скоро переберемся на виллу, поэтому мужья и решили организовать своеобразное прощание с отелем, в котором мы провели три незабываемых дня.

И еще более незабываемые ночи. Но сегодняшняя получилась особенной, мы ни на минуту не сомкнули глаз. Обжигающая страсть сменялась томной нежностью, и наоборот, и снова, и опять... Вот только почему-то и страсть, и нежность слегка горчили.

Или мне показалось?

Сон, обидевшись на полное его игнорирование, злокозненно договорился с тенями, которые с дурным энтузиазмом новобранцев немедленно залегли у нас с Лешкой под глазами. Не заметить их было невозможно, но комментировать (во всяком случае, вслух) Салимы не стали. Хали, правда, не удержался от многозначительного хмыканья и игры бровями, а Таньский – от толкания меня локтем в бок.

Можно подумать, они по ночам кроссворды разгадывают!

После завтрака Салимы ускакали на пляж, Нику мы отправили с ними. Нечего ребенку торчать с нами в холле отеля, дожидаясь дядьку риелтора. Если мы и поедем сегодня знакомиться с виллой, то в любом случае ближе к вечеру, когда жара устанет свирепствовать и плюхнется поостыть в море.

Мсье Паскаль Дюбуа был безупречно точен, он появился в дверях отеля ровно в десять утра, как мы и договаривались. Я, ожидавшая увидеть (если судить по имени) типичнейшего

француза – темноволосого, вертлявого, украшенного впечатляющим носом, – слегка окосела от неожиданности. Паскаль?! Дюбуа?! А почему не Абебе Бекеле, что было бы логичнее?

И вовсе не потому, что мсье Дюбуа был чернокожим, причем чернота имела фиолетовый оттенок – весь облик местного риелтора заставлял невольно прислушаться: а не звучат ли поблизости тамтамы?

Мсье Паскаль был облачен в ослепительно-яркий саронг, лысую голову от жары спасал такой же разноцветный этнический чепчик. Или это была пилотка? Или тубетейка? В общем, что-то таблеткообразное, я в национальных африканских одеяниях разбираюсь, как... Никак не разбираюсь. И не собираюсь. Я натура довольно цельная, на разборный конструктор мало похожа.

А еще риелтор оказался настоящим гигантом, метра два, не меньше. Добавьте к этому почти такой же обхват талии, и вы поймете, почему к моему внезапному косоглазию добавилась нервная икота.

Мсье Дюбуа, видимо, знал, какое впечатление он может произвести на особо впечатлительных особ, поэтому добродушно улыбнулся и пророкотал:

– Доброе утро, господа Майоровы! Рад нашему знакомству! – Он неплохо владел английским. Или английский неплохо владел риелтором?

– Взаимно. – Лешка поднялся навстречу ему с дивана, на котором мы ждали встречи, и протянул руку для пожатия. – Меня зовут Алексей, а это моя жена Анна.

– Паскаль Дюбуа. – Разноцветная гора угрожающе нависла надо мной, намереваясь галантно поцеловать ручку. – Анна, вы просто очаровательны!

Я с трудом удержалась от желания уберечь руку от повреждений, спрятав ее за спину. Но поскольку я, как уже упоминалось, дама, причем достаточно взрослая и очень отважная, желание было с хрустом раздавлено и затоптано в пыль.

Увлеченная топтанием, я благополучно перенесла лобызание кисти, сопровождаемое сочным чмоком.

– Я вижу, мой облик вас слегка шокировал, – усмехнулся гигант.

– Нет, ну что вы! – Еще бы книксен сделал, притворяя!

– Ничего, не смущайтесь, я привык. Просто я приехал из Гвинеи, и хоть и живу во Франции больше пятнадцати лет, но пристрастие к традициям моего народа сохранил.

– Традиции – это замечательно! – Елки-палки, он перестанет сегодня приседать перед риелтором?

– Полностью согласна с мужем насчет традиций, – надеюсь, милашка Паскаль не заметил, как я украдкой вытерла обчмоканную ладонь, – но, может, перейдем к делу? Месье Дюбуа, вы привезли ключи от нашей виллы?

– Вот что значит – деловая женщина! – Улыбка гиганта теперь мало походила на радушную. Скорее равнодушную. Равнодушный оскал.

– О да! – хмыкнул Майоров. – Еще какая деловая. Так что по поводу ключей?

– Разумеется, я их принес. Вот они. – На ладони размером с лопату испуганно жалась металлическая кучка. – Но прежде чем ехать на виллу, вам, месье Майоров, надо заехать к нам в офис.

– Зачем? – Что ж, буду до конца играть роль вздорной стервозы. – Ведь все документы оформлены еще в Москве, разве нет?

– Да, но остались кое-какие формальности, которые необходимо урегулировать. Это займет буквально десять минут, не больше. А потом можно будет ехать знакомиться с вашим великолепным приобретением.

Мужик мне не нравился все больше, и у меня создалось стойкое впечатление, что эта антипатия взаимна, тащиться с ним в какой-то дурацкий офис, когда можно вздремнуть в номере, мне совсем не хотелось.

– Лешик, ты смотайся быстренько, утряси и обтряси все, до чего дотянешься, а я тебя здесь подожду, хорошо? – Надеюсь, русский язык не входит в обязательный набор гвинейского джентльмена?

– Хитренькая! – обиделся муж. – Сама небось дрыхнуть пойдешь, а меня бросаешь один на один с подозрительным типом!

– Ничего, ты справишься, я в тебя верю! Только возвращайся поскорее, ладно?

– Не волнуйся, зайцерыб, я скоро.

Глава 10

Нет, все-таки спать днем взрослому человеку действительно не стоит. И пусть даже это был не день, вернее, не состоявшийся, полноценный день, а так, тинейджер с легкой придурию, гордо именуемый «позднее утро», но в сон он придури натолкал щедро.

И не совсем легкой, кошмар приснился довольно увесистый, тяжелый такой кошмарчик. И вовсе не потому, что одним из фигурантов сна был милейший Паскаль Дюбуа, чей вес исчислялся трехзначной цифрой, просто послевкусие сон оставил премерзкое. Просыпаться мокрой от пота, с выпрыгивающим из горла сердцем и трясущимися руками я лично не люблю. Как-то мало в этом жизненного позитива. А если учесть, что проснулась от собственного ора, то позитив в данном случае стремится к минус бесконечности.

Мда, давненько мой сон не осчастливила своим посещением подобная гнусь. Причем, как это часто бывает, восстановить хронологию сюжета после пробуждения я не могла, в вязком тумане памяти плавали лишь рваные обрывки. Дюбуа с пустыми провалами вместо глаз. Мертвенно-бледный полуобнаженный Майоров, распластанный на столе. Его тело изрисовано кроваво-красными знаками, похоже, что это действительно кровь. Змея, ползущая к голове моего мужа. Странный сосуд в руках у риелтора. Обезображенное смертельным ужасом лицо Лешки, медленно исчезающее в чавкающей мгле...

Вы бы не заорали?

Так, а сколько же я продрыхла? Ого, почти два часа, стрелки хронометра судорожно жались друг к другу, отказываясь вновь расставаться на долгие шестьдесят мгновений. Интересно, уже пять минут первого, а в номере по-прежнему никого. Кроме меня, конечно. Ну и где мое семейство? Нике на пляже в это время делать нечего, солнце уже плохое, но ее там и нет. Таньский, как дисциплинированная мамаша, давно уже утащила детвору в отель. Наверное, они в номере Салимов, ждут нашего с Лешкой возвращения.

А Лешки-то и нет. Риелтор обещал, что сотрясение дел до нужной степени утряски вычеркнет из нашей жизни всего десять минут, прошло же без малого два часа. Да весь Сан-Тропе вдоль и поперек можно объехать за час, они что, без меня на виллу потащились?

Впрочем, учитывая нетерпеливый характер моего мужа, он вполне мог рвануть в свой долгожданный шалашик, чтобы галопом пробежаться по владению, осмотреть все закоулки, а потом уже с видом настоящего хозяина знакомить с недвижимостью семейство.

После столь «освежающего» сна я второй раз за сегодняшний день отправилась на рандеву с душем. Обедали мы обычно в районе часа дня, так что времени на приведение себя в порядок было более чем достаточно.

В порядок я себя, конечно, привела, а вот в рассудок – нет. Впрочем, такое часто случается, когда нужно быть одновременно в двух противоположных местах. В моем случае противоположных, у большинства же нормальных людей рассудок с порядком идут рука об руку. И нога об ногу. И... хорошо идут, в общем, целеустремленно.

А у меня вечно скандалят, плюются и разбегаются по разным комнатам.

В номер к Салимам я отправилась свеженькая, благоухающая... Нет, постойте, разве я сова, чтобы ухать? Пусть даже и во благо? Тогда так – свеженькая, чистенькая, бодренькая, но не совсем адекватенькая.

Во всяком случае, местный носильщик прижался к стенке, выставив между собой и свирепо бубнящей что-то себе под нос теткой здоровенный чемодан на колесиках, который в данный момент он тащил в чей-то номер. Понабирают в персонал истеричек, никакой политкорректности по отношению к нормальным психам!

Что значит – таких не бывает? Как раз только такие и бывают, потому что «псих ненормальный» – это «масло масленое».

А сообщала я своему носу об отнюдь не радужных перспективах, угрюмо ожидавших Лешкиного возвращения. Это же надо – уехал и пропал! Собрался ехать на виллу – позвони, предупреди, разве сложно? Я даже знаю единственный железобетонный (по мнению Майорова) аргумент: «Не хотел тебя будить». Вот только он до сих пор не усвоил, что лучше разбудить меня, чем во мне зверя.

К Салимам я влетела без стука. А попробуйте стучать, свесившись с несущегося на сверхзвуковой скорости помела! Хорошо, что дверь цела осталась, да и то только потому, что не была заперта.

Просвистев через всю комнату, я довольно удачно припарковала помело в кресле у окна, плюхнулась в нервно задрожавший предмет мебелировки и добавила несчастному неврастенику тремора, забарабанив пальцами по подлокотникам.

– Эй, подруга, ты чего? – Из ванной комнаты выглянула Таньский. – По какому поводу на тропу войны вышла? И почему ты одна, где Майоров?

– Ты сама себе и ответила. – Ну вот, вместо нежного щебета получилось злобное шипение.

– Уточни, в каком именно месте прозвучал ответ? – Из-за газеты выглянул Хали.

Лучше бы он остался там, за газетой, затаившись и пережидая бурю! А так пришлось отдуваться за подельника. Дуть в трубу или еще куда-нибудь я его, конечно, не заставляла, но высказала все, что думаю о так и не повзрослевших инфантильных мужчинах, которые настолько плохо обучаемы, что запомнить элементарные поведенческие нормы не в состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.